Briefe aus Moskau.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛЪ

реформъ императора Александра II.

Письма изъ Москвы за границу

par bonté

(не по почтѣ).

BERLIN, 1882.
B. Behr's Verlag (E. Bock).
Leipziger-Str. 37.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛЪ РЕФОРМЪ.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛЪ

реформъ
императора Александра II.

Письма изъ Москвы за границу

par bonté.

(не по почтѣ).

BERLIN, 1882.
B. Behr's Verlag (E. Bock).
Leipziger-Str. 37.

Отъ издателя.

Первое изъ помѣщаемыхъ двухъ писемъ къ намъ изъ Москвы — было вызвано нашей коротенькой запиской, которою мы спѣшили „порадовать“ своего пріятеля сообщеніемъ ему новыхъ и настоятельныхъ слуховъ объ отставкѣ гр. Н. П. Игнатьева, какъ только-что они появились, во второй половинѣ Мая, не только въ здѣшнихъ газетахъ, но и въ свѣдущихъ общественныхъ кружкахъ. Возражая намъ, авторъ письма воспользовался представившимся ему тогда случаемъ доставить намъ отвѣтъ не по почтѣ, а потому позволилъ себѣ изложить подробнѣе и тѣ мотивы, которые препятствуютъ ему, во всякомъ случаѣ, предаваться излишнимъ восторгамъ; самые слухи онъ считалъ мало вѣроятными, да и вообще, съ своей точки зрѣнія не особенно интерессо-

вался ими. Однако мало вѣроятное очень скоро сдѣлалось дѣйствительнымъ; а за тѣмъ послѣдовало совсѣмъ уже невѣроятное, въ глазахъ общества, назначеніе преемника графу Игнатьеву, — и вотъ, авторъ увидѣлъ себя въ необходимости возвратиться къ тэмѣ перваго письма: 30-ое Мая представляло ему новые доводы въ пользу того, что онъ говорилъ почти наканунѣ этого фатальнаго дня, послѣдствія котораго трудно въ настоящее время измѣрить во всемъ ихъ объемѣ.

Печатаемъ первое письмо безъ малѣйшихъ поправокъ, какія было бы легко сдѣлать post factum; въ настоящемъ своемъ видѣ оно полнѣе выражаетъ то настроеніе, какое господствовало тогда въ русскомъ обществѣ наканунѣ 30-го мая, и кромѣ того, даетъ оцѣнку последняго министерства внутреннихъ дѣлъ, совершенно независимо отъ того случайнаго обстоятельства, кто именно явился преемникомъ графу Игнатьеву: назначеніе гр. Д. А. Толстаго все же должно было, по крайней мѣрѣ въ первое время, стѣснять сужденіе тѣхъ, которые прежде думали, что хуже времени графа Игнатьева ничего не можетъ быть.

Соединяемъ оба письма подъ однимъ заглавіемъ, которое, впрочемъ, мы заимствовали изъ словъ самого автора: эпоху, послѣдовавшую за смертью императора Александра II, онъ характеризуетъ, главнымъ образомъ, какъ эпоху „чернаго передѣла реформъ" предшествующаго царствованія.

Берлинъ, 8 (20) іюля 1882 г.

N.

I.

Москва, 28 Мая (9 Іюня) 1882 г.

. . . Вы задаете мнѣ этотъ „проклятый“ вопросъ уже не въ первый разъ: не будутъ ли теперь вѣрнѣе, — спрашиваете вы, — возобновившіеся опять „пріятные“ слухи объ отставкѣ графа Игнатьева? Знаю одно, что въ первый разъ могу вамъ сообщить, — пожалуй, эти слухи возобновились на этотъ разъ не совсѣмъ даромъ. Боюсь даже, что всѣми ожидаемое осуществится такъ скоро, что, чего добраго, телеграфъ обгонитъ мое письмо; я слышалъ, что уже давно одинъ изъ петербургскихъ корреспондентовъ какой-то берлинской газеты условился съ редакціею немедленно дать знать ей по телеграфу о такомъ вожделенномъ событіи, какъ отставка гр. Игнатьева, а во избѣжаніе возможныхъ въ Россіи затрудненій по этой части, — извѣстить редакцію о наступившей „прекрасной погодѣ“; тамъ поймутъ, въ чемъ дѣло, и Подъ-Липами

будутъ знать, что́ нужно, раньше, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ. Такъ, часто и мы, москвичи, узнаемъ изъ петербургскихъ газетъ о томъ, что у насъ дѣлается на Тверской; впрочемъ, по этому спеціальному вопросу вышло бы, я думаю, наоборотъ, и Петербургъ узналъ бы такую колоссальную новость изъ московскихъ газетъ, если бы только „Московскія Вѣдомости“ въ завтрашнемъ нумерѣ напечатали то, что онѣ могутъ знать сегодня вечеромъ. Не даромъ въ одной юмористической нѣмецкой газетѣ недавно была помѣщена шутка: князь Болгарскій Александръ, во время послѣдняго посѣщенія имъ Москвы, проситъ, будто бы, г. Каткова, дать ему для Болгаріи министра внутреннихъ дѣлъ; но почтенный редакторъ вынужденъ былъ отказать князю въ его просьбѣ: онъ ищетъ-молъ для Россіи настоящаго министра внутреннихъ дѣлъ, и никого не можетъ найти! . . Для шутки это — не дурно; но дѣло не въ томъ: судя по полученнымъ сегодня извѣстіямъ изъ Петербурга, можно — и то только догадываться, что гр. Игнатьевъ дѣйствительно рѣшился подать въ оставку, и кажется, что непремѣнно подастъ, судя по источнику, изъ котораго сообщается извѣстіе. Но вѣдь главный вопросъ не въ этомъ: гр. Игнатьевъ вѣдь не въ пер-

вый разъ рѣшается подать въ отставку; вопросъ, въ томъ: будетъ ли отставка принята? По моему мнѣнію, и этотъ вопросъ во всякомъ случаѣ, праздный и мало любопытстный: подастъ ли гр. Игнатьевъ въ отставку, или нѣтъ; будетъ ли она Всемилостивѣйше принята, или точно также Всемилостивѣйше возвращена, — важнѣе гораздо то, что министерство графа Игнатьева, несмотря на всю ловкость своего шефа и опытность, пріобрѣтенную имъ въ Константинополѣ, находится въ настоящее время дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи; наши софты, улемы и чорбаджи, которымъ онъ былъ годъ тому назадъ обязанъ своимъ портфелемъ, не уступятъ ни въ чемъ тѣмъ, которыхъ гр. Игнатьевъ имѣлъ случай видѣть въ Константинополѣ. Если онъ желаетъ сохранить до конца за собою репутацію ловкаго человѣка, ему, по правдѣ сказать, и не остается теперь ничего болѣе, какъ постараться также ловко отступить, какъ онъ годъ тому назадъ ловко вступилъ, и при этомъ — конечно, не сжигать кораблей. Никто въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ, не знаетъ, до какой степени наши дѣла запутаны и умы взбудоражены, чему, впрочемъ, и самъ графъ не мало содѣйствовалъ; онъ можетъ потому удалиться спокойно, пов-

торяя слова одного сверженнаго византійскаго императора, не доброй памяти, обращенныя къ его преемнику, еще худщей памяти: „Попробуй править лучше меня“. Графъ Игнатьевъ и при болѣе тяжелыхъ для него обстоятельствахъ обращался къ простотѣ и тишинѣ деревенской жизни, — и тѣмъ не менѣе опять пригодился, и при томъ скорѣе, нежели самъ то думалъ. Но я все-таки остаюсь при мысли, что на нашъ вѣкъ хватитъ гр. Игнатьева; таково, надобно полагать, и его интимное убѣжденіе, — а если это такъ, то я раздѣляю его вполнѣ.

Вы спрашиваете еще, какъ по моему мнѣнію отразится отставка графа Игнатьева на ходѣ нашихъ дѣлъ; какихъ надобно ожидать существенныхъ реформъ къ лучшему, съ чего именно начнутъ; кого прочатъ на его мѣсто, и. т. д. Мнѣ кажется, что вы слишкомъ торопитесь вопросами, и при томъ какъ будто раздѣляете въ душѣ мнѣніе той берлинской газеты, о которой я упомянулъ выше, а именно, что отставка графа Игнатьева есть синонимъ наступленія „schönes Wetter“. У насъ, дѣйствительно, привыкли ожидать всего отъ личныхъ перемѣнъ; это отчасти привычка дворовыхъ людей, гадать — кто будетъ назначенъ бурмистромъ; между тѣмъ, корень добра

и зла заключается всегда въ *системѣ*. Доказательство справедливости того лежитъ у насъ у всѣхъ передъ глазами; въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, мы имѣли двухъ министровъ внутреннихъ дѣлъ; спрошу васъ: что́ можетъ быть болѣе діаметрально противоположно, какъ личный характеръ гр. Лорисъ-Меликова и гр. Игнатьева, и тѣмъ не менѣе управленіе ихъ, сравниваемое съ точки зрѣнія результатовъ, мало уже чѣмъ отличается одно отъ другаго; и хорошее, и худое дѣлалось въ пустомъ пространствѣ. Почему же, въ такомъ случаѣ, можетъ быть интересно знать: „кого прочатъ" на мѣсто гр. Игнатьева, когда впередъ можно съ увѣренностью сказать, что, не перемѣнивъ системы, мы и черезъ годъ, и черезъ два, будемъ все тамъ же, гдѣ были два года тому назадъ. Мы похожи на больнаго, который перемѣняетъ врачей, но не хочетъ измѣнить своей діэты. Правда, и при дурной діэтѣ хорошій врачъ, а особенно честный, лучше дурнаго, и при томъ шарлатана; лучше онъ уже тѣмъ, что всегда предпочтетъ отказаться отъ кліентели и отъ сопряженнаго съ нею гонорара, нежели лечить неразсудительнаго и своевольнаго больнаго: по крайней мѣрѣ, тѣмъ онъ можетъ надѣяться когда нибудь образумить паціента; но все же безъ перемѣны діэты,

никакой врачъ окончательно не излѣчитъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ годъ тому назадъ такъ и думалъ, вѣроятно, поступить, какъ поступаютъ честные врачи, когда паціентъ желаетъ возвратить утраченное здоровье и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за собою свободу набивать себѣ желудокъ окрошкой, поросенкомъ подъ хрѣномъ, кулебякой съ визигой, и все это обильно поливать отечественнымъ квасомъ, въ перемѣжку съ шампанскимъ. ,,Какой это докторъ — часто говаривалъ мой сосѣдъ по дому, московскій купчина, жалуясь на своего Эскулапа, когда вылечить не можетъ; да этакъ, пожалуй, я и безъ него здоровъ буду" — заключалъ онъ, думая иронизировать надъ врачемъ: ,,а вотъ сходить въ баню, да попариться, да еще кваску выпить, какъ рукой сниметъ." Такъ, въ одно прекрасное утро, мой пріятель и Богу душу отдалъ, сохранивъ вѣру въ силу домашнихъ средствъ, при помощи которыхъ, думалось ему, можно оставаться неограниченнымъ повелителемъ своихъ судебъ, и ,,плевать" (любимое его выраженіе) на заморскія выдумки врачей, никуда негодныхъ для русскаго человѣка.

Объ отставкѣ графа Игнатьева, вы знаете, начали у насъ толковать чуть не мѣсяцъ спустя послѣ его назначенія, такъ что явилась

наконецъ мысль, не самъ ли министръ распускаетъ эти слухи, какъ Наполеонъ III бывало выдумывалъ заговоры противъ себя; сдается мнѣ, что и нынѣшній разъ слухъ объ этой отставкѣ есть не больше, какъ подогрѣтое кушанье. Важнѣе гораздо то, что и независимо отъ вопроса объ отставкѣ, министерство гр. Игнатьева успѣло и въ одинъ годъ обрисоваться съ такою ясностью, и въ тоже время исчерпать, повидимому, свои рессурсы до того, что едва ли оно можетъ пойти дальше; оцѣнить его значеніе вполнѣ возможно уже и теперь.

Я глубоко увѣренъ, что и гр. Лорисъ-Меликовъ, и гр. Игнатьевъ, при всемъ различіи склада ихъ ума и характера, оба, какъ люди не глупые, одинаково должны были понимать, что въ Россіи нельзя быть государственнымъ человѣкомъ, въ общеевропейскомъ смыслѣ этого слова; что ни Кавуръ, ни Биконсфильдъ, ни даже Гизо, или Бисмаркъ, въ Россіи не нашли бы для себя ни почвы подъ ногами, ни неба надъ головой; а потому у насъ ничего и не остается, какъ быть, если можно такъ выразиться, государственнымъ актеромъ, и только казаться государственнымъ человѣкомъ. Различіе между двумя вышеупомянутыми нашими министрами состоитъ только въ

томъ, что одинъ изъ нихъ пошелъ въ „актеры,“ вовсе не имѣя въ виду личныхъ своихъ выгодъ, и если прибѣгалъ къ лицедѣйствію, то съ „благочестивою“ цѣлью принести пользу тому, кому онъ служилъ; а другой — никогда не забывалъ себя и сообразно съ тѣмъ дѣйствовалъ, усердно поддерживая свою слишкомъ извѣстную и вполнѣ заслуженную репутацію. Но оба они, все равно, заключили тѣмъ, что, играя комедію, дошли наконецъ до того, что были объиграны сами; гр. Лорисъ-Меликовъ, видя тщету своей „политики“, внезапно заболѣлъ правдой; но гр. Игнатьевъ едва ли впадетъ въ такую несвойственную ему болѣзнь; какъ въ пословицѣ „іезуитъ,“ онъ можетъ уступить только при одномъ условіи — встрѣтивъ полтора іезуита, что́ вовсе не такъ легко!

Вы можете, конечно, усмотрѣть въ моихъ разсужденіяхъ нѣкоторую попытку — привести отчасти смягчающія обстоятельства въ пользу гр. Игнатьева: если, благодаря нашей системѣ, у насъ неизбѣжно для каждаго государственнаго человѣка, или министра, быть прежде всего актеромъ, то, собственно говоря, графъ Игнатьевъ ничего не сдѣлалъ такого, чего не дѣлали до него въ той или другой степени, съ тою или иною цѣлью, и другіе; а если онъ

превышалъ всѣхъ въ сценическомъ искусствѣ, то это надобно отнести на счетъ большей растяжимости его совѣсти и индивидуальныхъ способностей. Его вина предъ судомъ исторіи всегда будетъ состоять въ томъ, что онъ не только ничего не сдѣлалъ для того, чтобы уменьшить необходимость актерства, но даже преувеличивалъ такую необходимость, не смотря на всѣ выгоды своего положенія, сравнительно съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Послѣднему приходилось въ 1880 году „лицедѣйствовать“ на глазахъ такого лица, которое во много кратъ превышало его своею государственною опытностью, отличнымъ знаніемъ условій исторической сцены, своими способностями и, въ извѣстномъ смыслѣ, характеромъ, а потому лицедѣйствовать предъ нимъ надобно было крайне искусно и осторожно; по нашему мнѣнію, покойный Императоръ принадлежалъ къ числу такихъ личностей, которыхъ можно было обмануть не иначе, какъ съ ихъ же молчаливаго согласія, и чѣмъ онъ болѣе утомлялся съ теченіемъ времени, чѣмъ болѣе убѣждался въ негодности среды, окружавшей его, тѣмъ онъ могъ охотнѣе допускать въ особенности „благочестивый“ обманъ; легенда говоритъ даже, что чуть не за минуту до своей фатальной гибели онъ самъ вступилъ въ счаст-

ливый заговоръ, такъ сказать, противъ себя, и только не успѣлъ скрѣпить своею формальною подписью смертнаго приговора тому колоссу съ глиняными ногами, какимъ любятъ, по ошибкѣ, называть у васъ заграницею Россію, и какимъ на дѣлѣ является собственно одна наша устарѣвшая государственная система, въ силу которой Верховная власть, повидимому, окружена страшными аттрибутами могущества, а въ дѣйствительности не можетъ сравниться съ властью даже какого нибудь становаго пристава. Вѣдь объяснилъ же мимически одинъ, даже не особенно властный человѣкъ, значеніе закона въ Россіи тому, кто имѣлъ глупость, оспаривая его сужденіе, сослаться на законъ, т. е. на Верховную власть; этотъ властный человѣкъ положилъ томъ Свода Законовъ подъ свое широкое сидѣнье, и усѣвшись на томѣ, спросилъ собесѣдника: „ну, гдѣ теперь твой законъ"?! Это фактъ, а не вымыселъ, и при томъ фактъ вполнѣ соотвѣтствующій дѣйствительному положенію вещей: въ Россіи всѣ могутъ быть властны, кромѣ Верховной власти, несмотря на громкіе ея аттрибуты самодержавія и неограниченности.

Впрочемъ, та легенда, изъ послѣднихъ минутъ жизни покойнаго императора, теперь,

послѣ появленія въ свѣтъ книжки, подписанной Викторомъ Лаферте: „Alexandre II, détails inédits sur sa vie intime et sa mort“ (Genève, 1882) — и составленной, очевидно, по свѣдѣніямъ изъ самыхъ первыхъ рукъ, — эта легенда, какъ оказывается теперь, имѣетъ самое твердое и вполнѣ историческое основаніе; это несомнѣнный фактъ, безъ знакомства съ которымъ было бы трудно установить сколько нибудь правильный взглядъ на значеніе и характеръ министерства графа Игнатьева: весь смыслъ этого министерства, если въ немъ былъ какой либо смыслъ, тѣсно связанъ съ этимъ фактомъ.

Мнѣ дали на дняхъ прочесть эту книгу, которую вы вѣроятно давно уже тамъ прочли. Совершенно мимоходомъ скажу одно, что я очень пожалѣлъ о появленіи этой книги именно теперь — и вотъ почему. Во первыхъ, эта книга хотя и носитъ на себѣ имя покойнаго императора, но содержаніе ея, къ сожалѣнію, гораздо шире своего заглавія: она имѣетъ своимъ главнымъ центромъ вовсе не одного Александра II; вотъ это то обстоятельство и умаляетъ, при томъ совершенно напрасно, значеніе книги, даже можетъ вызвать сомнѣніе и недовѣріе къ сказанному въ ней; напримѣръ, похвальные отзывы въ ней о нѣкоторыхъ лич-

ностяхъ прошедшей эпохи — часто весьма справедливы, — но тѣмъ не менѣе можно подумать, что такіе отзывы внушены одною угодливостью этихъ лицъ и потворствомъ съ ихъ стороны нѣкоторымъ человѣческимъ слабостямъ частной жизни покойнаго императора, съ цѣлью — такимъ образомъ сохранить его расположеніе къ себѣ; такіе отзывы, естественно, не могутъ, какъ бы ни было то мало основательно, не вызвать дурнаго чувства со стороны тѣхъ, которые иначе смотрѣли и даже должны были иначе смотрѣть на упомянутыя слабости. Вотъ, почему я пожалѣлъ о появленіи этой книги: и безъ того у насъ много ошибочнаго во взглядахъ на лица, а подобная книга должна только еще болѣе укоренить иныхъ въ такой ошибочности. Но въ этой книгѣ, съ другой стороны, приводятся въ первый разъ и многія подлинныя слова императора Александра II, и извлеченіе изъ его самой интимной переписки, а потому будущій его историкъ никакъ не можетъ обойти этой книги молчаніемъ. Къ числу такихъ документальныхъ указаній относится и то, о чемъ я слышалъ еще вскорѣ послѣ смерти императора, и что я назвалъ счастливымъ его заговоромъ противъ самого себя, а собственно — въ пользу Верховной власти. Я разумѣю по-

дробный разсказъ о томъ, что случилось въ самое утро 1-го марта, и на что вы конечно обратили вниманіе. [1])

---

[1]) Для тѣхъ, кто не имѣлъ случая читать этой, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книги, дополнимъ сказанное авторомъ московскихъ писемъ — извлеченіемъ изъ самой книги того именно мѣста, на которое онъ только указываетъ, безъ чего не было бы ясно и дальнѣйшее содержаніе письма; переводя съ французскаго, мы сохраняемъ и патетическій тонъ, въ какомъ вообще написана вся эта книга, которую было бы правильнѣе назвать воспоминаніями княгини Юрьевской, вступившей въ морганатическій бракъ, лѣтомъ 1880 г., съ покойнымъ императоромъ:

„На слѣдующій день утромъ (въ воскресенье, 1-го „марта), императоръ, вставъ, прогуливался съ своими дѣтьми „(отъ княжны Долгорукой, впослѣдствіи княгини Юрьевской) „въ обычный часъ; затѣмъ онъ отстоялъ обѣдню, послѣ чего „завтракалъ съ приближенными лицами, присутствовавшими „при богослуженіи. Всѣ эти лица могутъ засвидѣтельство-„вать, что Е. В. былъ вполнѣ здоровъ и совершенно спо-„коенъ. Послѣ завтрака, императоръ отправился въ свой „кабинетъ, куда долженъ былъ явиться и Лорисъ-Меликовъ; „государь приказалъ позвать его къ себѣ, если только здо-„ровье позволяетъ ему выйдти изъ дому; въ противномъ „случаѣ, Е. В. самъ отправится къ графу послѣ развода. „Можно видѣть, какое то предчувствіе въ этомъ усиленномъ „желаніи императора, хотѣвшаго непремѣнно вручить графу „Лорисъ-Меликову важный *актъ*, только что подписанный (?) „имъ, и содержаніе котораго должно было быть опублико-„вано на слѣдующій день, въ понедѣльникъ 2 (14) марта. „Этотъ неизданный документъ заключалъ въ себѣ Высочай-„шую волю монарха, новое выраженіе его стремленій по „пути дальнѣйшаго прогресса, естественное послѣдствіе его „безмѣрной любви къ народу, судьбы котораго были ему

Напрасно, конечно, было бы гадать о будущемъ Россіи, что́ было бы, еслибъ не случилось первое марта, и если бы 2-го марта, какъ приказалъ императоръ, явился въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" тотъ актъ, въ существованіи котораго сомнѣваться теперь никакъ нельзя. Но вѣрно одно, что этимъ актомъ былъ бы нанесенъ смертельный ударъ той черной партіи, которая у насъ всегда эксплуатировала Верховную власть въ свою пользу; ей всегда было нужно, что бы она

„вручены Провидѣніемъ. Именемъ самодержецъ, Александръ „II былъ въ принципѣ болѣе либераленъ, чѣмъ большинство „его подданныхъ (авторъ книги конечно хотѣлъ сказать: „придворныхъ). Надобно признать, что вообще императоръ „съ трудомъ находилъ (авторъ, очевидно забылъ прибавить: „въ Зимнемъ Дворцѣ) людей высшаго сорта (des hommes „supérieurs), способныхъ поддерживать его взгляды и вы-„полнять его предначертанія. Яснымъ и неоспоримымъ до-„казательствомъ тому служатъ административные акты, „послѣдовавшіе за ею трагическою кончиною. Богъ, въ „своихъ неисповѣдимыхъ опредѣленіяхъ и своей вѣчной „премудрости, допустилъ этого великаго государя, совер-„шеннѣйшій образецъ человѣколюбца, провести последнюю „недѣлю своей славной жизни въ исполненіи обязанностей „добраго христіанина (недѣля говѣнія); Богу было угодно „(Dieu voulut), чтобы для довершенія громаднаго дѣла ци-„вилизаціи своего народа, онъ, умирая, совершилъ *тор-„жественный актъ*, подписанный такъ сказать кровью му-„ченика, какъ послѣднее выраженіе своей преданности оте-„честву. Александръ II вознесся къ Вѣчному Богу, держа „въ рукахъ эту пальму мученика, вмѣстѣ съ безсмертнымъ

оставалась *самодержавною* и *неограниченною*, такъ какъ, будь она ограничена хотя закономъ, ее уже нельзя было бы тогда ограничить этою партіею; неограниченное самодержавіе въ рукахъ этой партіи есть тоже самое, что всемогущество Юпитера въ рукахъ жрецовъ; жрецы всегда объявятъ атеистомъ всякаго, кто усомнится въ всемогуществѣ божіемъ не потому, что такое сомнѣніе оскорбительно для божества, а потому что въ практикѣ жизни

„ореоломъ неувядаемой славы; онъ будетъ всегда жить въ „памяти русскаго народа, которому онъ былъ отцемъ, и „которому, покидая этотъ міръ, онъ оставляетъ, увы! — „одни жгучія сожалѣнія и потоки слезъ: никто не можетъ „ни удержать ихъ, ни осушить. Вручивъ этотъ важный „документъ графу Лорисъ-Меликову, онъ прежде нежели „отправиться на парадъ, поднялся къ своей женѣ (княгинѣ „Юрьевской) и засталъ ее за завтракомъ съ дѣтьми. Онъ „сказалъ ей: „*Я только что подписалъ* (?) *ту бумагу; на-„надѣюсь, это произведетъ хорошее впечатлѣніе и будетъ „для Россіи новымъ доказательствомъ того, что я дарую ей „все, что только возможно.*“ Заключивъ эти слова, онъ „осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и прибавилъ: „*Завтра „эта бумага будетъ обнародована; я такъ приказалъ.*“ Со-„храняя все тоже ясное душевное настроеніе, императоръ „оставался какихъ нибудь пять минутъ съ своею семьей, „такъ какъ онъ спѣшилъ на разводъ.“

Авторъ книги, излагая эти замѣчательныя подробности, погрѣшилъ только своимъ высокимъ слогомъ, и вслѣдствіе того къ его словамъ: „Dieu voulut“ — Богу было угодно, такъ и хочется прибавить: но не было угодно оберъ-прокурору святѣйшаго Синода! Издатель.

это всемогущество божіе есть не что иное какъ ихъ собственное всемогущество, и жертва, которую вы приносите божеству, это ихъ доходъ, а не божества; но попробуйте не приносить жертвъ — они станутъ жаловаться вовсе не на убытокъ, который они терпятъ отъ васъ, а на ваше безбожіе и вредный либерализмъ, посягающій на величіе божіе (читай: ихъ личные выгоды).

Никто, потому, не пролилъ столько слезъ, никто не ударялъ съ такою силою себя въ грудь, какъ наша черная партія, въ тотъ, дѣйствительно, злосчастный день перваго марта; но въ сущности этотъ день освободилъ ее отъ величайшей опасности, какая угрожала ей не дальше, какъ втораго марта. Доказательствомъ тому служитъ то, что черная партія поспѣшила воспользоваться всеобщимъ смятеніемъ, горемъ, и утирая одною рукою слезы, быстро и святотатственно протянула руку къ тому акту, чтобъ не оставить отъ него и слѣда. Щедро разсыпая обвиненія противъ либераловъ, упрекая ихъ даже въ сочувствіи цареубійцамъ, или по крайней мѣрѣ въ преступномъ равнодушіи, хотя смерть императора была тяжкимъ ударомъ, именно, этимъ самымъ либераламъ, — эта партія, конечно про себя, потирала руки, торжествуя свое избавленіе

отъ величайшей опасности, и тогда уже составила знаменитую твердую организацію своего „чернаго передѣла“ — не земли, но идей: она поставила себѣ задачею „передѣлать“ все, что было сдѣлано въ первые годы такъ кстати для нея павшаго царствованія; а дѣло этой партіи висѣло, дѣйствительно, на волоскѣ: еще какихъ нибудь 24 часа, и опасность для нея сдѣлалась бы почти неотвратимою, или по крайней мѣрѣ потребовалась бы масса интригъ, чтобы хоть на минуту остановить или извратить дальнѣйшій ходъ событій въ новомъ ихъ руслѣ; еще 24 часа, и эта партія, можетъ быть, должна была бы на долго отказаться отъ мысли о „черномъ передѣлѣ“ реформъ!

„Черный передѣлъ,“ однако, могъ встрѣтить себѣ препятствіе, и весьма серьезное, въ новомъ императорѣ и въ его весьма симпатичныхъ личныхъ свойствахъ, которыя не могли быть неизвѣстны этой партіи, и особенно такимъ изъ ея вожаковъ, какъ г. Побѣдоносцеву, бывшему его наставникомъ, или г. Каткову. Молодой императоръ былъ, какъ извѣстно, очень привязанъ къ отцу, и отецъ любилъ его всегда даже больше, чѣмъ покойнаго наслѣдника; трагическая смерть отца должна была только увеличить такую привязанность и стереть послѣдніе слѣды недомолвокъ, какія могли иногда

возникать не по поводу государственныхъ вопросовъ, а совершенно частнаго, случайнаго характера. Молодой императоръ кромѣ того всегда отличался любовью къ тихой, семейной жизни, и въ этомъ отношеніи составлялъ счастливое исключеніе, будучи образцовымъ отцомъ и мужемъ; пышность и суета придворной обстановки, столь необходимые для поддержки обаянія власти, лишенной другихъ болѣе реальныхъ и солидныхъ основъ, — были ему всегда тяжелы. Вотъ, два драгоцѣнныя качества, которыя какъ будто ручались, что воля покойнаго императора найдетъ для себя въ его преемникѣ почти слѣпаго, фанатическаго исполнителя: съ одной стороны, и безъ того большая, а теперь еще и возбужденная привязанность къ отцу; съ другой стороны, полнѣйшее равнодушіе къ внѣшней обстановкѣ власти, которая вообще представляетъ около себя много мишурнаго, а власть самодержавная въ особенности. Но къ этимъ двумъ превосходнымъ качествамъ и вполнѣ благопріятнымъ для исполненія воли покойнаго императора, присоединялось еще третье, само по себѣ, какъ будто, не менѣе превосходное: еще будучи наслѣдникомъ, онъ по-своему справедливо обнаруживалъ нерасположеніе къ такъ называемымъ „западникамъ,“ такъ какъ въ его

глазахъ западниками слыли такія лица, какъ напримѣръ гр. Валуевъ, гр. Шуваловъ (быв. шефъ жандармовъ); другихъ „западниковъ" онъ не зналъ и не могъ знать, тѣ же лица и имъ подобныя были для него олицетвореніемъ „конституціонализма," конечно, sui generis; будучи самъ глубоко честнымъ человѣкомъ, но мало опытнымъ и искушеннымъ въ жизни, онъ, въ виду нѣкоторыхъ неблаговидныхъ открытій, подобныхъ уфимскому дѣлу, еще болѣе возненавидѣлъ то, что объяснялось какъ результатъ вліянія европейской цивилизаціи, принесшей будто бы къ намъ страсть къ наживѣ и аферѣ. Однимъ словомъ, наслѣдника всегда считали расположеннымъ къ „національной" партіи, внѣшнимъ девизомъ которой было подавленіе „интеллигенціи" и соединеніе царя съ народомъ, а про себя наши „націоналы" знали, какую именно интеллигенцію нужно подавить, и что́ будетъ прикрываться этимъ единеніемъ. Вотъ, этимъ то послѣднимъ качествомъ молодаго государя и воспользовалась весьма ловко партія чернаго передѣла реформъ, не пропустивъ ни одной минуты послѣ перваго марта, и безъ особенной трудности дала совсѣмъ другое направленіе и первымъ двумъ свойствамъ; первое движеніе его было въ пользу опубликованія того по-

слѣдняго акта воли покойнаго императора; надобно было выиграть время, и его успѣли склонить къ предварительному обсужденію всего дѣла въ экстренномъ совѣтѣ министровъ, назначенномъ на 8-ое марта, воскресенье, ровно недѣлю спустя послѣ катастрофы. Чѣмъ было первое марта для земной жизни императора Александра II, тѣмъ собственно сдѣлалось восьмое марта для его жизни исторической: актъ его воли если не былъ совсѣмъ уничтоженъ въ этотъ также фатальный день, то во всякомъ случаѣ партія чернаго передѣла, видимо, одержала тогда верхъ. Престарѣлый и недавно скончавшійся графъ Сергій Строгоновъ, этотъ злой геній реакціи, начиная съ 1866 года, когда онъ также былъ призванъ на совѣтъ и наградилъ насъ между прочимъ министромъ народнаго просвѣщенія, бывшимъ тогда его протеже, а впослѣдствіи врагомъ, Толстымъ, — заговорилъ первымъ противъ акта Александра II, и въ грубоватой формѣ, съ примѣсью казеннаго византійскаго ладона, забывъ при этомъ, кто собственно былъ авторомъ этого акта, и что тѣло его еще не предано землѣ, — объявилъ, что подобные замыслы могутъ занимать однихъ „газетчиковъ“. Въ пользу акта говорилъ гр. Валуевъ; но вы догадываетесь, что по особеннымъ причинамъ,

въ глазахъ императора, такой защитникъ только склонялъ его еще болѣе въ пользу мнѣнія гр. Строгонова. Естественно, министры покойнаго императора поддерживали его дѣло, за исключеніемъ г-на Макова, который съ подобострастіемъ ловкаго канцеляриста, можетъ быть даже со вздохомъ, объявилъ, что долгъ вѣрноподданнической присяги не дозволяетъ ему даже обсуждать подобной тэмы, которая ведетъ къ ограниченію самодержавія. Если это правда, то г. Маковъ повторилъ извѣстную наивность старика Игнатьева (отца нынѣшняго министра), который при обсужденіи во время óно одного чуть не конституціоннаго вопроса, а именно о разрѣшеніи курить на улицѣ, сказалъ, возражая противникамъ, что такое разрѣшеніе невозможно уже потому, что оно станетъ въ противорѣчіе съ существующими узаконеніями. Конечно, г. Маковъ прибѣгнулъ къ такой же аргументаціи не по наивности, и до сихъ поръ мало и выигралъ онъ отъ своего маневра, но вѣдь и впереди времени не мало: авось рыбка еще и клюнетъ на заброшенную удочку, и вспомнятъ о немъ, какъ о лицѣ до самозабвенія преданномъ старому режиму; пожалуй, ужъ не его ли „прочатъ“ на мѣсто гр. Игнатьева?!

Маневры другихъ членовъ этого совѣта

я могу себѣ легко представить; одного изъ нихъ, главнаго вожака партіи чернаго предѣла, я знавалъ еще здѣсь, когда онъ жилъ въ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще и въ тоже время тоньше юридическаго разсужденія, напримѣръ, на такую тэму: актъ хотя и несомнѣнно одобренъ покойнымъ императоромъ, но всеже формально не подписанъ [1]), а потому остается неизвѣстнымъ, не перемѣнилъ ли бы государь на слѣдующій день своей воли; вѣдь не считается же дѣйствительнымъ съ юридической точки зрѣнія духовное завѣщаніе, котораго кто нибудь не успѣлъ подписать. Конечно, наслѣдникъ, а теперь императоръ, могъ и безъ такой подписи знать, на

---

[1]) Дѣйствительно, какъ мы видимъ въ книгѣ: „Alexandre II", очевидцы увѣряютъ, что актъ былъ „подписанъ" имъ; что въ знакъ твердой рѣшимости онъ перекрестилъ себя; но сколько мы слышали, актъ не былъ формально подписанъ, хотя въ тоже время нѣтъ повода подозрѣвать того показанія въ намѣренной лжи. Императоръ считалъ актъ какъ бы подписаннымъ для себя, и могъ потому въ интимномъ кружкѣ объявить его „подписаннымъ"; особенно это естественно въ положеніи самодержца, который не можетъ допустить, чтобы какое нибудь лицо на землѣ могло ему воспрепятствовать въ томъ, на что онъ уже рѣшился. Напротивъ, — то обстоятельство, что императоръ говорилъ о неподписанномъ актѣ, какъ о подписанномъ, служитъ только указаніемъ, до какой степени онъ считалъ это дѣло оконченнымъ. Издатель.

сколько воля его отца была окончательною; а въ такомъ случаѣ можно было привести еще и другой доводъ, болѣе сильный: покойный государь имѣлъ-молъ всѣ права разсчитывать на свою многолѣтнюю опытность и твердою рукою ввести въ государственную жизнь новыя начала; но скромность молодаго императора не позволитъ ему поставить себя, еще мало опытнаго, на ряду съ его отцомъ, и рѣшиться на такой шагъ, на какой могло рѣшиться лицо послѣ болѣе чѣмъ 25-лѣтней государственной дѣятельности, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, выходило такъ, что приведеніе въ исполненіе воли покойнаго императора являлось какъ будто нарушеніемъ почтенія къ его заслугамъ и опытности; не исполненіе же этой воли казалось, наоборотъ, весьма похвальною скромностью и осторожностью молодаго императора.

Весьма естественно спросить при всемъ этомъ, что́ же дѣлали въ то время министры, оставшіеся вѣрными памяти покойнаго императора, и въ особенности гр. Лорисъ-Меликовъ? Не говоря уже о томъ, что онъ не могъ бы, по своимъ личнымъ качествамъ, вступить въ состязаніе съ партіею чернаго передѣла, такъ какъ ему пришлось бы соперничать съ нею въ умѣньи интриговать, — ни для кого смерть

императора не была такимъ тяжкимъ ударомъ, какъ для него; его противники избавились даже этой смертью отъ грозившей имъ опасности, и они же только и говорили, что отвѣтственность за эту смерть несетъ одинъ графъ Лорисъ-Меликовъ, а потомъ пошли и далѣе поэтому пути. Не мудрено было потерять равновѣсіе въ такую тяжелую минуту; къ этому присоединялось и то, что гр. Лорисъ-Меликовъ между государственными людьми не стоялъ на той же высотѣ, на какой стояли его противники въ области интригъ. Неподготовленность его къ государственной дѣятельности, недостатокъ общихъ принциповъ и убѣжденій обнаружились въ немъ тогда со всею силою, и въ этомъ отношеніи его противники также были сильнѣе его. Доказательствомъ тому служитъ то, что когда въ концѣ марта начались ничтожные безпорядки въ Тверской губерніи, а потомъ къ этому присоединились и еврейскіе, — онъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться и этимъ къ проведенію своихъ идей, чуть не бросился въ лагерь своихъ противниковъ и началъ уже имъ дѣлать всевозможныя уступки, воображая, что тѣмъ можно будетъ ихъ удовлетворить. Такъ всегда дѣйствуютъ люди даже самаго честнаго характера, но съ неустановившимися твердо принципами,

и всегда бываютъ должны уступать людямъ, хотя и нечестнымъ, но ясно знающимъ, чего они хотятъ.

Дѣло впрочемъ не было окончательно рѣшено 8-го марта; тогда только завязалась та борьба, которая собственно говоря, разрѣшилась не ранѣе какъ 29-го апрѣля достопамятнымъ Высочайшимъ манифестомъ, имѣвшимъ для императора одно значеніе, внушаемое ему собственными личными качествами, которыя онъ конечно принималъ за дѣйствительность, а для партіи „чернаго передѣла реформъ" другое, весьма практическое и реальное. Органы печати, выражавшіе мнѣніе и программу этой партіи пустили въ ходъ, съ того времени, слова: „твердое правительство"; „назадъ, домой"; „самобытность и народность" и т. д. Для людей „чернаго передѣла" все это имѣло свое условное значеніе: „твердое" правительство, это не такое правительство, которое было бы въ самомъ дѣлѣ твердо, но которое только рѣшилось бы *твердо* — быть слабымъ, т. е. исполнять съ твердостью и безъ колебаній и отступленій программу партіи чернаго передѣла реформъ. Я думаю, что гг. Побѣдоносцевъ и Катковъ, въ разговорѣ между собою, называютъ Іоаннаго Грознаго не иначе, какъ Іоанномъ Твердымъ! Далѣе:

„назадъ, домой!“ — а что́ считать такими „задами,“ и гдѣ этотъ „домъ“? — вамъ предоставляется на этотъ случай сочинить какую угодно утопію, но г. Аксаковъ и Ко. знаютъ очень хорошо, что дѣло идетъ о тѣхъ „задахъ“ нашей исторіи, когда очень немногіе счастливо прогуливались въ собольихъ шубахъ и высокихъ бобровыхъ шапкахъ, и какъ „отцы“ смотрѣли на своихъ „дѣтей“ въ дерюгѣ и зипунѣ. „Самобытность“ и „народность“ можно понимать также какъ угодно; даже многіе нѣмцы, самые либеральные, въ этомъ отношеніи совершенно согласны съ г. Аксаковымъ, и въ униссонъ съ нимъ еще недавно утверждали, что Россіи вовсе непригодны европейскіе порядки, что русскіе, это молъ совершенно „особенный“ народъ: имъ нужно одно „твердое“ правительство — въ русскомъ смыслѣ твердое, т. е. полицейское, а не въ европейскомъ, въ силу котораго только тогда правительство твердо, когда оно управляетъ страною политически, а не полицейски.

Для выполненія своей программы партія чернаго передѣла реформъ должна была, годъ тому назадъ, выбрать человѣка весьма искуснаго и ловкаго, засвидѣтельствовавшаго свою способность къ двойной игрѣ и вообще ко всякимъ государственнымъ комедіямъ. Министер-

скій циркуляръ гр. Игнатьева отъ 6-го мая 1881 г. доказалъ, что онъ понимаетъ задачи той партіи, которая выдвинула его на мѣсто гр. Лорисъ-Меликова, а именно передѣлать реформы Александра II, и устроить такой порядокъ вещей, который въ глазахъ — кого слѣдуетъ — являлся бы идеаломъ патріархальнаго благополучія, съ девизомъ: „одно стадо и одинъ пастухъ,“ а на дѣлѣ вышло бы настоящее стадо барановъ, стригомыхъ множествомъ пастырей. Надобно отдать однако справедливость графу Игнатьеву: онъ повидимому сознавалъ съ перваго дня своего управленія всю нелѣпость и неосуществимость задачи чернаго передѣла реформъ, во всей ея наготѣ, а потому и прикрылъ ее, какъ фиговымъ листкомъ, введеніемъ особеннаго элемента, заимствованнаго имъ изъ области современной практики, а именно — „правительственнымъ соціализмомъ.“ Во первыхъ, на эту новенькую удочку онъ могъ поймать даже чуть не самихъ радикаловъ, конечно изъ неопытныхъ; во вторыхъ, эта маска давала ему возможность обмануть не только тѣхъ, кого обмануть нужно, но даже и собственную свою партію, и такимъ образомъ современемъ сдѣлаться независимымъ отъ тѣхъ, кому онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Вообще, гр. Игнатьевъ

не принадлежитъ къ числу тѣхъ мелкихъ людей, которые способны долго торговать за счетъ хозяина; это человѣкъ, по крайней мѣрѣ по замысламъ, крупный; и если бы у него самого недостало научныхъ средствъ и подготовки, то на такой случай при немъ по вопросамъ политической экономіи и другихъ соціальныхъ наукъ, состоялъ, въ качествѣ Минервы, какой-то В., господинъ, какъ говорятъ, изъ раскаявшихся радикаловъ, въ родѣ Незлобина въ вицемундирѣ. Такимъ образомъ, 6 мая 1881 г., и завязалась дѣтская игра въ прятки, которая породила настоящее положеніе вещей; назвать его иначе нельзя какъ именемъ баснословнаго существа химеры, составленной изъ членовъ разнородныхъ животныхъ и живописно изображенной въ извѣстномъ четверостишіи Тредьяковскаго: сопреди Аксаковъ, сосреди Катковъ, а созади гр. Игнатьевъ и Побѣдоносцевъ. Всѣ они, какъ въ оперѣ, затянули на одинъ голосъ, но каждый про себя вставлялъ свой текстъ.

Прежде всего, новому шефу необходимо было справиться съ тяжкимъ наслѣдствомъ, какое осталось отъ министерства гр. Лорисъ-Меликова, въ видѣ различныхъ его либеральныхъ „затѣй,“ какъ то: пониженіе выкупныхъ платежей, переселенческій вопросъ, рѣшительныя

перемѣны въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи, которыя находились въ связи съ вышеупомянутымъ мертворожденнымъ „актомъ", новый законъ о печати и другія выдумки, ни къ чему другому не ведущія, по мнѣнію партіи чернаго передѣла, кромѣ революціи, а по мнѣнію другихъ — отъ революціи, или по крайней мѣрѣ, отъ хаоса и анархіи. Но вопросы, касающіеся крестьянъ, не таковы, чтобы можно было съ ними идти „назадъ," не говоря худаго слова; надобно было, во всякомъ случаѣ, идти назадъ такимъ образомъ, какъ будто идешь впередъ, что́ гр. Игнатьевъ и выполнялъ въ теченіи цѣлаго года, съ обычною ему ловкостью, по программѣ правительственнаго соціализма, не очень-то удающагося и на своей родинѣ, а у насъ ему пришлось въ добавокъ изображать собою извѣстное „смѣшеніе нижегородскаго съ французскимъ." Нигдѣ не выразилось это смѣшеніе съ такою силою, какъ въ такъ-называемыхъ „еврейскихъ безпорядкахъ," занимавшихъ, я увѣренъ, видное мѣсто въ политическомъ соціализмѣ à la comte Ignatieff. Эти наши „еврейскіе безпорядки" послужатъ развѣ теперь только образцемъ, въ обратномъ смыслѣ, „христіянскимъ безпорядкамъ," какими непремѣнно заключится „національная" политика египетскаго Араби-паши:

разграбленіе христіанъ съ легкими убійствами, и все это на виду полиціи и войска, и наконецъ, бѣгство христіанъ массою изъ Египта: tout à fait comme chez nous! Конечно, у насъ не могло быть въ перспективѣ какого нибудь вмѣшательства англичанъ или французовъ; но за то еврейскій вопросъ послужилъ поводомъ къ внутренней войнѣ, къ распаденію упомянутой мною химеры на ея составныя части. По крайней мѣрѣ, такъ объясняютъ у насъ послѣднюю размолвку между „политикой“ гр. Игнатьева и „политикой“ г. Каткова, преимущественно по еврейскому вопросу. При этомъ, не слѣдуетъ только ошибаться: г. Катковъ явился защитникомъ евреевъ не вслѣдствіе какихъ нибудь идей гуманности и справедливости; вовсе нѣтъ! онъ не пошелъ дальше тѣхъ требованій, которыя дѣлаетъ петербургское „Общество покровительства животнымъ,“ когда оно не дозволяетъ мучить, терзать собакъ, оставлять ихъ безъ пищи и т. п.; но, понятно, оно нейдетъ далѣе того, какъ нейдетъ далѣе и г. Катковъ. Тѣмъ не менѣе, политика гр. Игнатьева была такъ жестока и вмѣстѣ такъ неразсудительна, ибо народъ съ евреевъ могъ перейти и на „пановъ“ — что даже и идеи „общества покровительства животнымъ“ въ примѣненіи ихъ „Московскими

Вѣдомостями“ къ евреямъ, казались уже чѣмъ-то гуманнымъ. Впрочемъ, по моему мнѣнію „еврейскіе безпорядкн,“ какъ самая явная ошибка гр. Игнатьева, послужили только предлогомъ къ выраженію неудовольствія партіи чернаго передѣла реформъ противъ своего шефа, какъ не оправдавшаго, вообще, возложенныхъ ею надеждъ на министра внутреннихъ дѣлъ. Не даромъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, „Московскія Вѣдомости“ проговорились какъ-то, охарактеризовавъ управленіе гр. Игнатьева какъ эпоху „диктатуры улыбокъ,“ смѣнившую „диктатуру сердца“ гр. Лорисъ-Меликова. Этой партіи нужны не „улыбки,“ а кое что другое; но на бѣду для нея настоящее поколѣніе не дало изъ себя ни одного Аракчеева, ни Муравьева, а если таковые гдѣ нибудь и скрываются въ логовищахъ, то время опять для нихъ не совсѣмъ подходящее: даже и Аракчеевы и Муравьевы держатся не иначе какъ при помощи хотя какого нибудь сочувствія имъ въ большинствѣ; они презираютъ общественное мнѣніе, но безъ него также обойтись никакъ не могутъ.

Гр. Игнатьевъ, очевидно, имѣетъ теперь въ виду увѣнчать и свою внутреннюю политику какимъ нибудь новымъ Сан-Стефанскимъ договоромъ; но его же собственные союзники

могутъ вторично устроить ему Берлинъ. Приглашеніе „свѣдущихъ людей“, въ видѣ манекеновъ, разсмѣшило противниковъ системы гр. Игнатьева; но ея союзники и въ этомъ могли усматривать вредную либеральную похоть; заигрыванье съ старообрядцами должно было совсѣмъ раздражить черную партію; о питейныхъ затѣяхъ гр. Игнатьева нечего и говорить: они какъ то сами провалились безслѣдно.

При такомъ положеніи вещей, намъ кажется, теперь наступило какъ разъ время, чтобы — или гр. Игнатьеву отдѣлаться отъ той зависимости, въ которую его поставила партія чернаго передѣла реформъ, и начать фантазировать самостоятельно, или этой партіи отдѣлаться отъ графа Игнатьева. Вотъ, что придаетъ большую силу слухамъ о его отставкѣ и дѣлаетъ ихъ какъ будто правдоподобными, — но не болѣе! Фамусовъ давно сказалъ бы: если гр. Игнатьевъ и не уволенъ, то по моему разсчету ему на дняхъ слѣдуетъ уволиться! . . .

II.

Москва, 30 Іюня (12 Іюля) 1882.

По поводу моего продолжительнаго молчанія, вы дѣлаете предположеніе, что я, вѣроятно, 30-го мая, въ день назначенія гр. Толстаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, по восточному обычаю, положилъ „палецъ удивленія“ въ ротъ, да такъ и не могу вынуть его до сихъ поръ. Это не совсѣмъ такъ: въ самыхъ первыхъ числахъ іюня, я долженъ былъ уѣхать по деревенскимъ дѣламъ въ Рязань, и вотъ, дня три, какъ возвратился въ Москву, съ специальною цѣлью, осмотрѣть внимательнѣе нашу Выставку, въ болѣе полномъ ея видѣ: при началѣ многіе отдѣлы на Выставкѣ имѣли какой то Маниловскій видъ — болѣе надписей, чѣмъ вещей.

Давно, давно, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда въ Лондонѣ была открыта самая первая Всемірная выставка, говорили тогда, что въ русскій отдѣлъ этой Выставки слѣдовало

бы послать, какъ несравненный образчикъ нашей отечественной „промышленности“, контрактъ, заключенный около того времени Клейнмихелемъ съ какимъ то американскимъ предпринимателемъ по Московской желѣзной дорогѣ; если бы, вмѣсто гр. Игнатьева, пожаловалъ теперь къ намъ на Выставку гр. Толстой, онъ также затмилъ бы собою всѣ выставленные предметы, свидѣтельствующіе о прогрессѣ дѣлъ у насъ, какъ и тотъ знаменитый контрактъ. Я увѣренъ даже, что гр. Толстой если бы не былъ только объявленъ hors de concours, получилъ бы премію, какъ самое ясное выраженіе того, что въ Россіи невозможно только одно то, что возможно вездѣ, но за то у насъ возможно многое, что нигдѣ невозможно.

Мой отъѣздъ въ Рязанскую губернію въ то самое время, когда Москва была полна толковъ о графѣ Толстомъ, вслѣдъ за его назначеніемъ, — привелъ меня весьма кстати въ такую мѣстность Россіи, гдѣ новый министръ внутреннихъ дѣлъ пользуется самою близкою извѣстностью, какъ мѣстный землевладѣлецъ. Но эта извѣстность такого печальнаго свойства, что графу Толстому ничего не оставалось бы, какъ сослаться на памятное изрѣченіе о пророкѣ „въ своемъ отечествѣ;“

съ этимъ изрѣченіемъ мы всѣ знакомы изъ св. Писанія, а графъ Толстой, будучи еще оберъ-прокуроромъ св. Синода, вычиталъ эту истину, должно быть, въ какомъ нибудь французскомъ романѣ, такъ какъ считалъ ее „французскою поговоркою“. Для министерства внутреннихъ дѣлъ, въ наше время, самое важное составляютъ взгляды его шефа на крестьянскій и земскій вопросы. Рязанская губернія знаетъ лучше другихъ личное отношеніе нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ къ крестьянскому вопросу; еще въ эпоху освобожденія онъ явился крѣпостникомъ изъ крѣпостниковъ; не далѣе, какъ въ прошедшемъ году, онъ же представилъ обращикъ эксплуатаціи крестьянъ, ссудивъ ихъ въ минуту нужды на такихъ условіяхъ, которыя не были ничѣмъ слаще покойнаго крѣпостнаго права. По отношенію земства, онъ прославилъ себя уже не въ одной Рязанской губерніи, когда въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенія тормазилъ усилія всѣхъ земствъ въ ихъ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ. Однимъ словомъ, о графѣ Толстомъ и о его отношеніяхъ къ крестьянскому и земскому дѣлу — не можетъ быть двухъ мнѣній, съ тою только разницею, что, въ глазахъ партіи чернаго передѣла реформъ, все это — величайшія досто-

инства, а для Россіи — тяжелый вопросъ: чѣмъ можетъ все это кончиться?! Ненависть къ самой личности Толстаго такъ велика въ рязанской губерніи, что еще въ нынѣшнемъ году, въ одномъ изъ ея уѣздовъ, гдѣ онъ выступилъ-было кандидатомъ на общественную должность — его единогласно забаллотировали! Впрочемъ, этого рода знаки уваженія графу Толстому не новы: лѣтъ пять, шесть тому назадъ, мнѣ говорили, что кто-то рискнулъ предложить его въ члены литературнаго фонда, а онъ былъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія; не смотря на то, что такое предложеніе было сдѣлано съ его вѣдома, пришлось однако предъ самымъ засѣданіемъ снять со списка его имя, такъ какъ относительно результата баллотировки нельзя было сомнѣваться, и въ тоже время желали избѣгнуть скандала. Правда, онъ прекратилъ послѣ того субсидію министерства фонду; но изъ этого можно только заключить, какъ онъ будетъ теперь эксплуатировать власть министра внутреннихъ дѣлъ для осуществленія личныхъ и мизерабельныхъ идей крѣпостника Толстаго; сколько вызоветъ онъ ненависти въ обществѣ, и безъ того раздраженномъ; на сколько затянется узелъ, и безъ того запутанный безпрерывными колебаніями нашей внутренней по-

литики; — но все это вопросы совершенно безразличные для Толстаго: онъ очень хорошо знаетъ, что у насъ, даже и въ случаѣ неудачи его политики, ему лично угрожаетъ не большая опасность отставки, съ сохраненіемъ званія члена государственнаго совѣта и приличествующаго тому оклада, а вызванныя имъ ненависти повиснутъ не у него на шеѣ, а на шеѣ у правительства: вѣдь у насъ министры пользуются невмѣняемостью, и за все про все отвѣчаетъ Верховная власть. Вотъ, на этомъ обстоятельствѣ и составилась его репутація, какъ человѣка „твердаго, непреклоннаго и безпощаднаго“ характера; но, во первыхъ, забываютъ, что такими эпитетами не принято выражать высшія степени злой воли, для которыхъ существуютъ иныя опредѣленія; а во вторыхъ, твердость и непреклонность характера Толстаго есть только результатъ его несомнѣнной способности путемъ интригъ, иногда даже просто — явной лжи и клеветы, какъ то показала его отставка, два года тому назадъ, — пріобрѣтать себѣ вліяніе выше; а за тѣмъ, дѣйствовать „твердо“ и „непреклонно“ не представляетъ уже никому никакихъ затрудненій. Что же касается до его „безпощадности,“ то и въ этомъ отношеніи справедливо только то, что Толстой дѣйствительно *не по-*

щадитъ правительства, и при достиженіи своихъ личныхъ цѣлей, самаго нисшаго разбора, не остановится при мысли о томъ вредѣ, какой онъ можетъ нанести правительству или государству. На этотъ случай, у него, какъ у добраго іезуита, есть, какъ извѣстно, двойной языкъ: онъ раздѣляетъ Россію на „мужицкую“ и „дворянскую,“ и правительство—на „консервативное“ и „революціонное“ (когда напримѣръ, оно освобождаетъ крестьянъ, даетъ права земству и т. п.). При помощи такаго двуязычія, можно весьма легко быть патріотомъ, нанося вредъ Россіи (т. е. мужицкой), и вѣрноподданнымъ (консервативнаго правительства), извращая всѣ стремленія прогрессивнаго правительства; такіе патріоты въ тоже время называютъ людей несогласныхъ съ ихъ взглядами, — измѣнниками отечеству („дворянской“ Россіи) и престолу (ретрограднымъ похотямъ его министровъ). Но что́ выиграетъ правительство отъ подобной „безпощадности“ характера своего министра? какую пользу получитъ оно отъ „твердости“ и „непреклонности“ этого характера, когда эти качества напоминаютъ только одну твердость и непреклонность характера обезьяны въ баснѣ, съ какими она мужественно таскала изъ печки горячіе каштаны — чужими лапами. Здѣсь

можетъ идти рѣчь только объ искусствѣ завладѣть „чужими лапами,“ а эти лапы послѣ узнаютъ сами, во что имъ обошлась твердость и непреклонность характера обезьяны, не останавливающейся даже предъ горячею печкой, если только ей понадобятся каштаны. Удивительно твердый и непреклонный характеръ! тутъ нельзя ожидать пощады — бѣднымъ „чужимъ лапамъ,“ — въ данномъ случаѣ: Верховной власти.

Можно подумать, что въ самый день назначенія Толстаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, всѣ наши газеты (за исключеніемъ кого слѣдуетъ) повторили на себѣ исторію семидесяти толковниковъ, и какъ бы по внушенію св. Духа, слово въ слово привели у себя одну и туже тираду, по поводу новаго назначенія, вслѣдъ за оцѣнкою сошедшаго со сцены министерства: „Что же касается до новаго министра внутреннихъ дѣлъ, — читали мы въ газетахъ, — то его имя слишкомъ извѣстно Россіи,“ и т. д., — другими словами: „припомните-молъ все то, что мы еще недавно говорили вамъ вслѣдствіе его отставки, какъ министра народнаго просвѣщенія, а вы, почтенные читатели, независимо отъ нашихъ славословій, христосовались и служили благодарственные молебны за избавленія Россіи отъ на-

шествія Галла съ двумя мертвыми языками.“ Я понимаю, что печать, состоя въ вѣдомствѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, не нашла удобнымъ выражать свои мысли иначе, какъ какою нибудь, повидимому, ничтожною фразою, при которой однако подразумѣвалось классическое восклицаніе: sapienti sat! И дѣйствительно, не только мудрому, но и человѣку безъ особенной мудрости, вполнѣ достаточно у насъ услышать одно имя Толстаго, чтобы возмутиться всею душой, — а потому та казенная фраза вполнѣ вѣрно и столько же ясно сообщала читателямъ мнѣніе газетъ о новомъ назначеніи. Бѣда только въ томъ, что газеты, тѣмъ не менѣе, своимъ краткимъ отзывомъ ввели публику въ заблужденіе. Онѣ, или забыли, или не знали, а именно того, что гр. Толстой былъ уволенъ не какъ министръ народнаго просвѣщенія, т. е. онъ получилъ отставку вовсе не по какому нибудь вопросу ему подвѣдомственнаго министерства. Подробности его отставки въ настоящую минуту особенно кстати припомнить, именно потому, что онъ былъ уволенъ, собственно, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, т. е. по поводу одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ этого министерства, который я поставилъ бы на ряду съ крестьянскимъ и земскимъ, если не

выше, а именно, по старобрядческому вопросу, по вопросу о свободѣ совѣсти. Это такъ; но газеты вѣрно это забыли, или иначе онѣ не стали бы публикѣ указывать на 14-лѣтнюю дѣятельность Толстаго, какъ министра народнаго просвѣщенія, съ приглашеніемъ по ней судить о новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Причиною отставки Толстаго была вовсе не дѣятельность его по народному просвѣщенію, а его тенденція по старообрядческому вопросу, къ чему присоединилась и одна безнравственная черта его личнаго, совершенно ничтожнаго, мелкаго характера, на которую я выше указалъ только мимоходомъ. Подробности той отставки заставляютъ теперь еще болѣе думать о послѣдствіяхъ новаго его назначенія именно на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго такъ много зависитъ старообрядческій вопросъ. Положимъ, наша внутренняя политика не страдаетъ ни логическою, ни историческою послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ; но что должно думать общество, если оно справедливо свяжетъ въ своихъ мысляхъ прошедшее съ настоящимъ и сдѣлаетъ выводъ, а именно, что Толстой назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ извѣстнаго врага старообрядцевъ и вообще свободы совѣсти? Сколько и тутъ выростетъ, и безъ

того готовыхъ ненавистей, — и опять къ тѣмъ же самымъ „лапамъ,“ которыми наша мартышка станетъ таскать для себя изъ печки горячіе каштаны!

Для уразумѣнія настоящаго характера Толстаго и степени его собственной твердости, необходимо хоть сколько нибудь подробнѣе напомнить эту исторію его отставки въ апрѣлѣ 1880 года.

Въ свое время, конечно, наши газеты не могли упоминать обстоятельно объ этомъ эпизодѣ, а потому и я пишу теперь о немъ по памяти, какъ мнѣ разсказывали тогда пріѣзжавшіе на пасху изъ Петербурга, и слышавшіе подробности дѣла объ отставкѣ Толстаго отъ лицъ самыхъ компетентныхъ. Въ Комитетѣ министровъ, на вербной недѣлѣ 1880 г., шло дѣло о ходатайствѣ нашихъ московскихъ старообрядцевъ — открыть такъ-называемую ихъ часовню (т. е. церковь), запечатанную еще по домашнему распоряженію боголюбиваго Филарета и при помощи мѣстнаго полицейскаго меча; крестъ и евангеліе валялись и теперь валяются еще съ того времени въ въ алтарѣ, покрытые пылью, паутиною и плѣсенью, такъ что можно подумать, что это какая нибудь болгарская церковь, запертая по распоряженію мусульманскихъ властей, и объ

освобожденіи которой гр. Игнатьевъ забылъ упомянуть въ Сан-Стефанскомъ договорѣ, или злодѣи-нѣмцы вычеркнули ее на берлинскомъ конгрессѣ. Всѣ министры того времени, къ чести ихъ, были въ пользу примѣненія условій берлинскаго трактата и къ старообрядческой церкви въ Москвѣ, т. е. находили справедливымъ удовлетворить ходатайство здѣшнихъ старовѣровъ; мусульманами православія выступили только два лица: гр. Толстой и — о, смѣхъ и горе! — лютеранинъ Поссьетъ!! Впрочемъ, Толстой прикрылъ свою ненависть къ старообрядцамъ предложеніемъ — не прямо отказать имъ, а отложить этотъ частный вопросъ до пересмотра общаго дѣла о старообрядцахъ, и это-то дало ему возможность почти выиграть дѣло, т. е. положить его подъ сукно. Покойный императоръ согласился съ мнѣніемъ Толстаго, но все же Толстой былъ недоволенъ тѣмъ, что успѣлъ только на время отдѣлаться отъ старообрядческаго вопроса, а потому въ ближайшемъ засѣданіи Комитета, въ одномъ изъ обычныхъ антрактовъ между дѣлами, въ закусочной, сообщилъ получастнымъ образомъ, — такъ, какъ на сценѣ говорятъ „въ сторону", — что наши старообрядцы привезли съ собою въ Петербургъ большой кушъ, чѣмъ молъ и объясняется то,

что у нихъ такъ много защитниковъ! Намекъ на подкупъ нѣкоторыхъ изъ его сочленовъ по Комитету министровъ былъ болѣе чѣмъ прозраченъ, и одинъ изъ нихъ, г. Маковъ, въ тотъ же день обратился къ Толстому съ письмомъ, выраженія котораго по своей энергіи напоминали прежнюю военную профессію автора письма, а потому могли считаться равносильными полновѣсной пощечинѣ. Толстой отвѣчалъ. Гимназическая переписка министровъ была доведена до свѣдѣнія покойнаго государя съ обѣихъ воюющихъ сторонъ, причемъ Толстой не упомянулъ, хотя бы изъ приличія, о необходимости для него, послѣ такой обиды, подать въ отставку, чтобы не вмѣшивать императора въ такія дрязги; но Толстой не изъ такихъ людей, которые сами подаютъ въ отставку: такіе люди ждутъ всегда, чтобы ихъ выгнали, да и въ такомъ случаѣ, какъ вы увидите, они стараются дѣлать bonne mine au mauvais jeu, чтобъ не терять надеждъ въ будущемъ: скромность нравится даже и тогда, когда знаютъ, что она поддѣльная. Покойному государю не оставалось ничего, какъ призвать къ себѣ поссорившихся государственныхъ ребятишекъ: г. Маковъ получилъ головомойку за то, что дѣйствовалъ уже слишкомъ „съ ловкостью военнаго человѣка,“ а

Толстаго уволили, любезно объяснивъ ему, что молъ дѣлать тутъ нечего: съ нимъ никто не хочетъ вмѣстѣ служить! Я думаю, въ эту минуту, Толстой долженъ былъ невольно вспомнить эпизодъ изъ своей еще лицейской жизни: мнѣ говорилъ одинъ изъ его товарищей по лицею, что уже въ юныхъ лѣтахъ онъ обладалъ тѣми же свойствами, какими обладаетъ и теперь, и еще на школьной скамьѣ его разъ посадили на Verschiess, т. е. весь классъ обязался не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія, и въ такомъ состояніи прокаженнаго онъ провелъ цѣлый годъ. Нынѣшній разъ, государственный Verschiess былъ еще продолжительнѣе — отъ 19 апрѣля 1880 до 30 мая 1882 г.! Чтó отвѣтилъ Толстой Государю? — вы думаете, онъ имѣлъ храбрость по крайней мѣрѣ молча и съ достоинствомъ удалиться, видя, какъ поступили съ нимъ послѣ 14-лѣтней „вѣрной" службы? Но у Толстаго твердость характера и состоитъ въ томъ, что онъ знаетъ, когда нужно быть тише воды, ниже травы, а потому тѣмъ, что дальше послѣдовало, онъ изумилъ и самого Государя: „Ваше Величество, — сказалъ онъ нѣсколько патетически, — не откажите мнѣ въ моей последней просьбѣ — я такъ дорожу воспоминаніями о моей службѣ по министерству на-

роднаго просвѣщенія и святѣйшему синоду; эти оба вѣдомства такъ дороги моему сердцу, что я желалъ бы сохранить драгоцѣнное для меня право ношенія мундировъ этихъ двухъ вѣдомствъ“. Въ этомъ ему не было конечно отказано; и такъ до послѣдняго времени гр. Толстой и сидѣлъ въ двухъ мундирахъ, работая, подобно извѣстному Чичиковскому пріятелю, надъ исторіею народнаго просвѣщенія вообще и надъ исторіею того же ненавистнаго ему предмета при Екатеринѣ II въ частности. Я вовсе не шучу: вы увидите даже, что эта работа новаго Чичиковскаго пріятеля не пропадетъ даромъ и послужитъ Толстому лѣстницею изъ той ямы, куда онъ былъ посаженъ два года тому назадъ. Но объ этомъ послѣ. Говорятъ, покойный Государь самъ разсказывалъ ту трогательную исторію любви Толстаго къ двумъ мундирамъ, — и пожималъ плечами; покойный былъ очень тонкій человѣкъ и не могъ не уразумѣть, даже и въ такой подобострастной формѣ, всю гадливую низость человѣческой души: конечно, дѣло шло не о любви къ поношеннымъ мундирамъ; Толстой всѣмъ этимъ хотѣлъ только сказать: „смотрите, государь, какой молъ я кроткій! жестокая рука меня гонитъ, а я не только не морщусь, но еще прошу позволенія облобызать ее! Сцена —

достойная кисти Мольера; Александръ Николаевичъ понялъ смыслъ ея — и не вынесъ: кромѣ двухъ старыхъ мундировъ, — такъ Толстой ничего и не получилъ. Не знаю, понимаетъ-ли нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, какую онъ совершилъ тогда не только пошлость, но и неловкость въ смыслѣ придворномъ: вѣдь, кромѣ пошлости, онъ вмѣстѣ и могъ огорчить императора; его удаляютъ отъ дѣлъ, а онъ свидѣтельствуетъ о страстной своей любви къ дѣлу, хотя и въ самой нелѣпой формѣ, достойной гимназиста. Быть можетъ, и это обстоятельство заставило императора оставить Толстаго, что́ называется, въ дуракахъ: самодержцы не любятъ даже и такихъ протестацій, и если относятся къ нимъ снисходительно, то только принимая въ соображеніе ихъ забавную и глупую форму.

И такого человѣка съ двумя мундирами, какъ гр. Толстой, называютъ человѣкомъ съ „твердымъ" характеромъ! Но чтобы дорисовать вполнѣ его нравственный образъ, присоединимъ еще два, три курьезныя и теперь отчасти забытыя, отчасти малоизвѣстныя, его похожденія. Въ послѣднее время у насъ много говорятъ о „сотрудничествѣ" министерскихъ канцелярій въ нѣкоторыхъ газетахъ, сопряженномъ на основаніи извѣстнаго экономи-

ческаго закона о вознагражденіи за трудъ съ опредѣленнымъ на этотъ случай гонораромъ. У васъ заграницей есть для этого просто Reptilien-Fond, при помощи котораго покупается газета; но тутъ мы превзошли Западную Европу, и не мы у нея, а она у насъ можетъ дѣлать полезныя заимствованія. Вмѣсто того, чтобы тратить казенныя деньги, у насъ существуетъ довольно тонкая система, вслѣдствіе которой газета получаетъ изъ министерства „сотрудника“, дополняя его жалованье гонораромъ (это не взятка, избави Богъ!) за „трудъ“ его — доставлять редакціи такія свѣденія, какія нужны министерству, помѣщать тамъ статьи, которыя стряпаются въ канцеляріи, а иногда прочитывать корректуру, присылаемую изъ редакціи. Чтожъ! это трудъ, и трудъ не малый; почему же и не быть ему „вознаграждаему“; казна при этомъ не несетъ никакихъ расходовъ и развѣ къ новому году представитъ своего чиновника-сотрудника къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника — что́ ей опять ровно ничего не стоитъ. Но, скажутъ, все это очень хорошо, а газетѣ откуда деньги взять на такія „вознагражденія,“ которыя ни въ какомъ случаѣ не бываютъ менѣе 3000 руб. въ годъ, сверхъ построчной платы за статьи изъ канцеляріи, и конечно не

по нисшему размѣру? — Это очень просто: такая газета получаетъ свѣденія раньше другихъ; кромѣ того, она сообщаетъ и такія свѣденія, которыя различными циркулярами запрещены для другихъ газетъ; все это дѣлаетъ такой эффектъ, что публика, хотя и ругаетъ газету, но нечего дѣлать! — подписывается на нее: тамъ, говорятъ, узнаешь все скорѣе, чѣмъ у другихъ, да и вообще газета какъ-то смѣлѣе и занятнѣе, а въ чемъ тутъ секретъ — публика, въ огромномъ ея большинствѣ, не знаетъ. Увеличенная подписка одна можетъ съ лихвою возвратить газетѣ издержки на „сотрудника" изъ канцеляріи. И это еще не все: другія газеты, безъ такихъ „сотрудниковъ", слегка нажимаются: то остановятъ ихъ на полгода или на три мѣсяца, то отнимутъ право розничной продажи или объявленій, — и все это, разумѣется, пойдетъ въ пользу той, которая издерживается на усиленіе средствъ канцеляріи министра; подумайте же объ удобствѣ издержать какихъ нибудь 3—5 тысячъ, а получить 30—40 тысячъ? Это во-первыхъ; а во-вторыхъ: каково геніяльное изобрѣтеніе, заставить публику въ одно и тоже время ругать газету и платить ей субсидію! Вотъ, у васъ въ Западной Европѣ до многаго додумались, а и до сихъ поръ

не изобрѣли средства давать газетамъ субсидіи, не издерживая ни гроша; да это стоитъ выдумки нѣмцемъ обезьяны, какъ сказано въ нашей поговоркѣ. При гр. Игнатьевѣ, все это продѣлывалось съ такою простотою и прямодушіемъ, что публика могла видѣть на столѣ правителя его канцеляріи корректуры одной изъ газетъ, или въ присутствіи постороннихъ лицъ отправлялись статьи въ редакцію. По этому поводу, разсказываютъ очень пикантный анекдотъ: когда случились безпорядки въ Ярославскомъ лицеѣ (кажется, осенью прошлаго года, или въ самомъ началѣ зимы), гр. Игнатьевъ приказалъ кн. Вяземскому разослать по редакціямъ строжайшее воспрещеніе даже упоминать о случившемся въ Ярославлѣ; но въ тоже самое время, правитель его канцеляріи, отправляя по обычаю въ редакцію *своей* газеты пакетъ съ различными телеграммами, полученными министерствомъ, нечаянно приложилъ туда и депешу Ярославскаго губернатора, извѣщавшаго министра о безпорядкахъ въ лицеѣ. На другой день, ни одна газета конечно не обмолвилась объ этихъ безпорядкахъ, кромѣ газеты, получавшей свѣдѣнія изъ „вѣрныхъ" источниковъ. Вышелъ скандалъ! — и чѣмъ вы думаете кончилось дѣло? — Кончилось оно новымъ циркуляромъ, напоми-

нающимъ тоже самое, съ дополненіемъ о запрещеніи перепечатки изъ той газеты сообщеннаго ею извѣстія, и съ увѣреніемъ, что впредь ничто подобное не будетъ терпимо! Конечно, карать ту газету было неудобно: само же министерство ей сообщило телеграмму, да и пріостановить ту газету хоть на три мѣсяца, значило бы пріостановить и усиленія средствъ своей канцеляріи на три мѣсяца. Болтливые корреспонденты вашихъ газетъ растрезвонили однако о всѣхъ такихъ продѣлкахъ, и дѣло дошло до того, какъ вы помните, что гр. Игнатьевъ, забывъ пословицу: qui s'excuse s'accuse, — торжественно омылъ руки въ „Правительственномъ Вѣстникѣ,“ и отрекся отъ связей съ своей газетой. Только этого и недоставало для окончательнаго оглашенія этихъ связей!

Но было бы совершенно напрасно однако взводить на гр. Игнатьева обвиненіе, или славу, — какъ хотите — такого изобрѣтенія, при помощи котораго можно держать печать въ рукахъ, не издерживая ни копѣйки; только незнаніе отечественной исторіи способно привести къ такой ошибкѣ. Во первыхъ, это изобрѣтеніе было уже извѣстно въ управленіе гр. Лорисъ-Меликова, когда, и при томъ въ той же самой газетѣ, которая потомъ перешла

вмѣстѣ съ швейцаромъ квартиры министра внутреннихъ дѣлъ отъ гр. Лорисъ-Меликова къ гр. Игнатьеву, состоялъ сотрудникомъ если не самъ правитель канцеляріи, то его родственникъ, весьма близкій, получившій потомъ изрядное мѣсто, подъ условіемъ прекратить свое сотрудничество, — конечно гласное, такъ какъ негласное не можетъ быть воспрещено. Правда, одновременно съ тѣмъ, другой министръ, считавшійся „западникомъ", основалъ свой органъ по западной системѣ, а именно на казенный счетъ, при чемъ обнаружилъ и то западное направленіе (есть всякія и западныя направленія), которое ему было по душѣ, а именно реакціонное; органомъ этого рода западниковъ и былъ „Берегъ"; но во первыхъ, тутъ не было ничего оригинальнаго, и если я упоминаю о такомъ фактѣ, то только для того, чтобы не пропустить случая еще разъ засвидѣтельствовать, до какой степени хаоса можетъ доходить наша правительственная система: одно и тоже правительство прикармливало одновременно два изданія, которыя вели между собою ожесточенную борьбу. Дѣло дошло даже разъ до того, что правительство гр. Лорисъ-Меликова, завѣдывавшее печатью, пріостановило органъ правительства гр. Ва-

луева, какимъ считалась газета „Берегъ.“ У насъ дѣйствительно, что ни министерство, то правительство; а если кому нибудь изъ министровъ удастся, какъ при Игнатьевѣ, достигнуть такъ называемаго „единства министерства“, то такое единство имѣетъ значеніе турецкаго визирата, а потому исторія его представляетъ рядъ подпольныхъ интригъ, силу которыхъ испыталъ сначала гр. Лорисъ-Меликовъ, а недавно и самъ гр. Игнатьевъ.

Но возвращусь къ тому великому изобрѣтенію — подкупать газеты, не расходуя на то казенныхъ денегъ. Весьма не многіе знаютъ, что настоящимъ изобрѣтателемъ этой безнравственнѣйшей системы былъ именно нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Толстой, еще въ бытность свою министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ первый напалъ на мысль, нисколько не обременяя государственнаго бюджета, имѣть къ своимъ услугамъ двѣ цѣлыхъ газеты. „Московскія Вѣдомости“ не получали по бюджету казенной субсидіи, какъ это дѣлается по рутинѣ въ Германіи, но министерство народнаго просвѣщенія не взыскивало съ нихъ аренды, которую онѣ должны были платить университету; правда, университетъ не дополучалъ своихъ денегъ,

но роскошь университетской жизни вообще не входила въ планы гр. Толстаго: ну, если и не хватитъ денегъ, такъ совѣтъ-молъ поналжметъ бѣдныхъ студентовъ и рѣже будетъ освобождать отъ платы за ученье. Но и это еще не все: г-ну Каткову нуженъ былъ лицей, а г-ну Полякову чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и доступъ къ министру по еврейскимъ школамъ и вообще по облегченію еврейскому юношеству обучаться (у насъ какъ извѣстно, добиться облегченія по обученію и вообще не такъ легко, а евреямъ вдвое тяжелѣе). Чтожъ, прекрасно! г. Катковъ, благодаря страсти г. Полякова къ классическимъ языкамъ, получитъ кушъ, который можетъ употребить на устройство лицея, а г. Поляковъ удовлетвореніемъ своего въ сущности невиннаго желанія быть въ высокихъ чинахъ — также не вовлечетъ казну въ убытокъ; что же касается до распространенія просвѣщенія между евреями, то это выходитъ уже совсѣмъ хорошее дѣло! Конечно, не менѣе прекрасное дѣло и основаніе школы, хотя бы и такой, какъ лицей г. Каткова, — но все же г. бывшій оберъ-прокуроръ св. Синода, долженъ знать, что́ такое симонія? — и кромѣ того, гр. Толстому слѣдовало облегчать доступъ къ образованію не

одному еврейскому юношеству, но и христіанскому также [1]).

Пріобрѣтеніе гр. Толстымъ газеты въ Петербургѣ еще болѣе любопытно, и даетъ ему всѣ права на званіе изобрѣтателя системы подкупа безъ помощи казенныхъ денегъ. Въ публикѣ это дѣло пользуется извѣстностью подъ именемъ „Баймаковской исторіи,“ а потому разскажу только вкратцѣ ея суть: благодаря ничтожеству нашей Академіи Наукъ, гр. Толстой отнялъ у нея газету „С.-Петербургскія Вѣдомости,“ издававшіяся тогда нашимъ мо-

---

[1]) Кстати здѣсь упомянуть о замѣченномъ нами въ послѣднихъ іюньскихъ нумерахъ „Голоса“ высокоторжественномъ оповѣщеніи о пріемѣ г Полякова у новаго министра внутреннихъ дѣлъ съ цитатою изъ рѣчи послѣдняго, гдѣ онъ говоритъ. что, бывши министромъ народнаго просвѣщенія, онъ отличалъ учащихся по однимъ успѣхамъ ихъ въ наукахъ и нравственному развитію, а не по религіознымъ и племеннымъ признакамъ. Во первыхъ, сколько хлыщеватаго, ноздревскаго, въ этихъ словахъ: какимъ образомъ министръ можетъ отличать учащихся по всей Россіи, не бывъ вездѣсущимъ; вѣдь это пустая фраза, которой въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ! А во вторыхъ, тутъ есть и колоссальная ложь: а каково положеніе учащихся католиковъ въ Россіи? и кто, какъ не Толстой, изгналъ малороссійскій языкъ изъ мѣстныхъ школъ? Очевидно, въ школѣ его интерессовали не успѣхи въ наукахъ, а политиканство: пусть лучше плохо учатся на великорусскомъ языкѣ, чѣмъ хорошо на малороссійскомъ, — вотъ девизъ Толстаго! Издатель.

сковскимъ В. Коршемъ, ненавистнымъ Толстому (Коршъ былъ честный человѣкъ!), перевелъ ихъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія и сдалъ въ аренду содержателю мелкой банкирской конторы Баймакову, причемъ „ходатаи" послѣдняго, приближенные министра, выговорили себѣ такое положеніе въ редакціи, какое имѣли въ послѣдствіи, по этому первообразу, служащіе въ канцеляріи графа Игнатьева, его приближенные. Гр. Толстой все это отлично зналъ и не находилъ ничего предосудительнаго въ вознагражденіи своихъ служащихъ за несомый ими „литературный трудъ". Всего тяжелѣе этотъ трудъ падалъ на хорошо извѣстнаго намъ, москвичамъ, Болеслава Маркевича, вертѣвшаго во время оно гр. Закревскимъ; Маркевичъ даже просто распоряжался въ редакціи и засѣдалъ тамъ по вечерамъ, а соотвѣтственно тому и получалъ тысячъ пять содержанія! Онъ до такой степени былъ увѣренъ, что дѣлаетъ обыкновеннѣйшее дѣло, что даже обеспечилъ себя нотаріальнымъ контрактомъ, чѣмъ и погубилъ себя; другіе „сотрудники" изъ канцеляріи Толстаго лучше помнили истину: „не надѣйтесь на князи (а также и на графы) сыны человѣческіе," — а потому не попались. Но будучи въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ

съ гр. Толстымъ, и состоя давно при немъ въ качествѣ подобнаго же „сотрудника“ Московскихъ Вѣдомостей, Б. Маркевичъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ устройствѣ такихъ же отношеній и къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ — и былъ дѣйствительно правъ. Но въ обществѣ взглянули на это дѣло иначе; поднялся громкій говоръ; вся это исторія, подтверждаемая существованіемъ нотаріальнаго акта, была доведена до свѣденія покойнаго государя. Что же сдѣлалъ гр. Толстой? — мгновенно отрекся отъ Б. Маркевича, запретилъ строго принимать его къ себѣ, такъ какъ при этомъ ему предстояло бы неловкое объясненіе, почему онъ преслѣдуетъ человѣка, который хотя и дѣйствовалъ предосудительно, но съ его вѣдома, — и въ заключеніе уволилъ!!... Положимъ, Болеславъ Маркевичъ не Іисусъ Христосъ, но то, что сдѣлалъ съ нимъ „благородный“ графъ Толстой, оставляетъ Іуду и Пилата далеко сзади его; даже можно сказать, что гр. Толстой не омылъ руки, а замаралъ ихъ въ этой, вообще грязноватой исторіи. Баймаковское дѣло я знаю только по слухамъ, но приключеніе Б. Маркевича мнѣ извѣстно изъ самыхъ первыхъ рукъ. Онъ, какъ всѣ знаютъ, любилъ втираться въ дружбу и къ нашимъ именитымъ

писателямъ, что ему и удавалось вполнѣ, благодаря нѣкоторымъ также и собственнымъ литературнымъ талантамъ и большой свѣтскости. Такъ, онъ удружилъ, какъ извѣстно, своей дружбой И. С. Тургеневу; а покойный поэтъ гр. А. К. Толстой, человѣкъ довѣрчивый и мягчайшій, — души не чаялъ въ Маркевичѣ. Послѣдняя исторія очень огорчила бѣднаго А. К., и вотъ, Маркевичъ доставляетъ ему, въ свое оправданіе, копію съ своего письма министру и вмѣстѣ разъясняетъ причину своего краха. Понятно, что эту копію покойникъ съ наслажденіемъ читалъ каждому, желая тѣмъ хоть сколько нибудь оправдать свою слабость къ Маркевичу. Письмо дѣйствительно любопытное, и, можетъ быть, современемъ украситъ собою страницы журнала нашего почтеннаго П. И. Бартенева. Признаюсь, я не могу питать ни малѣйшей симпатіи къ Б. Маркевичу; но какъ бы ни былъ дуренъ человѣкъ, это не освобождаетъ меня отъ обязанности быть въ отношеніи его справедливымъ. Конечно, тутъ слѣдовало уволить не Маркевича, а гр. Толстаго; но покойный государь былъ обманутъ имъ: Толстой показалъ видъ, что ничего не знаетъ и выразилъ полнѣйшую готовность казнить злосчастнаго Маркевича, который дѣйствовалъ съ его же согласія и съ

его вѣдома, и никакъ не подозрѣвалъ, что гр. Толстой будетъ способенъ измѣнить своему ami cochon! Даже и между членами какой нибудь шайки есть свои понятія о чести; у гр. Толстаго не оказалось даже и таковыхъ. И это называютъ „твердымъ и безпощаднымъ" характеромъ; да, гр. Толстой способенъ не пощадить даже и своихъ единомышленниковъ, если такимъ образомъ можетъ спасти себя. Въ этой ничтожной исторіи его великій характеръ отразился, какъ солнце въ малой, и притомъ грязной каплѣ водъ — вотъ, почему я и остановился на этой исторіи. Что́ можетъ быть хуже для каждаго сколько нибудь порядочнаго человѣка, какъ сознавать про себя, что даже и Болеславъ Маркевичъ долженъ быть признанъ и болѣе чистымъ его, и гораздо болѣе правымъ. Въ pendant къ исторіи съ Маркевичемъ приведемъ еще одинъ пассажъ, весьма характерный для гр. Толстаго.

Признаюсь, я всегда чувствую нѣкоторое отвращеніе къ тому, что называютъ chronique scandaleuse; но есть люди, карьера которыхъ не можетъ быть никакъ объяснена безъ ея помощи. Въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ графъ Толстой, многіе помнятъ, напримѣръ тотъ блестящій балъ, данный имъ, какъ министромъ народнаго просвѣщенія, на

которомъ присутствовалъ и покойный государь, — лѣтъ шесть или семь тому назадъ, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе его „морганатическаго брака,“ а слѣдовательно при жизни императрицы. Даже люди, искушенные въ придворномъ искусствѣ тонкаго угодничества, и тѣ были тогда поражены, какъ почтенный хозяинъ дома усиленно сосредоточивалъ свое вниманіе на одной особѣ, привлекавшей къ себѣ и безъ того взоры всѣхъ присутствующихъ, такъ какъ ея временная болѣзнь составляла не болѣе какъ секретъ Полишинеля; заботы Толстаго о ея здоровьѣ, опасенія, чтобы она какъ нибудь не поскользнулась, можно было бы принять за тонкую насмѣшку хозяина, если бы была какая нибудь возможность подозрѣвать въ немъ подобную смѣлость. Всѣмъ это казалось, по меньшей степени, безтактнымъ, утрированнымъ, и только гр. Толстой зналъ, что за царемъ хотя бы и слишкомъ усердная служба, — но все таки она не пропадаетъ. Привожу только этотъ одинъ фактъ, такъ какъ онъ совершался публично на глазахъ всѣхъ, и умалчиваю о другихъ закулисныхъ, чтобъ не погрязнуть въ chronique scandaleuse; при томъ о тѣхъ закулисныхъ можно судить поэтому публичному факту. Все это чичиковскія отношенія къ „генераламъ,“ кото-

рые въ присутствіе гоголевскаго героя могли дѣлать, не стѣсняясь, все что имъ угодно. Умалчиваю также о разсказахъ, объясняющихъ тотъ volte face, который продѣлывалъ графъ Толстой въ апрѣлѣ и маѣ 1880 года. когда одно свѣтило закатывалось въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а другое — по мѣрѣ того восходило съ другой стороны горизонта. Какъ эхо такихъ „маленькихъ услугъ“ и раболѣпнаго отношенія еще за долго до морганатическаго брака, авторъ упомянутой мною въ первомъ письмѣ книжки: „Alexandre II,“ слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ графа Толстаго, галантнаго кавалера: „Этотъ человѣкъ обширной учености (!?), ума серьезнаго и глубокаго, характера твердаго, недоступнаго никакому вліянію, — человѣкъ, непринадлежащій никакой партіи, идущій прямо къ своей цѣли, не могъ однако, не смотря на совокупность такихъ достоинствъ, достигнуть того, чтобы система, которую онъ создалъ и утвердилъ для русскаго юношества, сама не сдѣлалась препятствіемъ къ осуществленію задуманнаго имъ плана.“ Все это походитъ конечно на пародію; но нельзя подозрѣвать искренности автора; тутъ скорѣе наивность, такъ какъ вмѣстѣ за этимъ панегирикомъ приведено такое объясненіе вреда системы гр. Толстаго, послѣ ко-

тораго нельзя уже и заикнуться о его „обширной учености“ и серьезномъ и глубокомъ умѣ; напротивъ, изъ этого объясненія видно, что правительство имѣло дѣло съ человѣкомъ самыхъ поверхностныхъ идей, ума мелкаго, характера ничтожнаго, доступнаго вліянію всякой просвирни, и при томъ въ высшей степени пристрастнаго къ интерессамъ сословнымъ. Причиною неудачи системы Толстаго и страшнаго вреда, который онъ нанесъ государству, представляется именно та „строгость, которая имѣла своею преднамѣренною цѣлью (but prémédité) допускать полученіе аттестата зрѣлости самому ограниченному числу учащихся, съ тѣмъ, чтобы какъ можно меньше лицъ поступало въ высшія учебныя заведенія государства. Какое же было послѣдствіе того? Ученики, не выдержавшіе экзамена, лишенные права на лучшую будущность, вынуждены были бросить начатое ими ученіе, а изъ нихъ-то и образовалась категорія обездоленныхъ людей, составившихъ контингентъ для революціонной партіи, адепты которой будутъ съ годами рости все болѣе и болѣе, если ходъ цивилизаціи будетъ у насъ по прежнему находить себѣ препятствія.“ И такъ, вотъ, по по признанію самаго панегириста, къ чему привелъ насъ „серьезный и глубокій умъ“ гр.

Толстаго, его безпристрастіе, независимость характера и умѣнье идти прямо къ цѣли, — однимъ словомъ, всѣ тѣ свойства, которыя можно наблюдать въ любомъ быкѣ, не исключая даже глубокомыслія, печать чего обыкновенно лежитъ на фигурѣ этого четвероногаго, берущаго все лбомъ, но безъ помощи ума.

Назначеніе гр. Толстаго, настоящія свойства котораго не могли не быть извѣстны и самому императору, вызвало весьма различныя сужденія въ публикѣ, болѣе обнаружившія впрочемъ ненависть къ Толстому, нежели основательность. Большинство въ обществѣ такъ было озадачено этимъ назначеніемъ, упавшимъ съ неба, что рѣшительно отказывалось отъ всякаго объясненія, ссылаясь на то, что въ Россіи все возможно; другіе говорили, что назначеніе Толстаго есть полнѣйшее возвращеніе къ той печальной эпохѣ покойнаго государя, когда правительство ставило себѣ цѣлью назначать министрами и поддерживать въ этомъ званіи только тѣхъ, которые особенно ненавистны обществу: обязанные-молъ всѣмъ единственно милости государя, такія лица будутъ самыми преданными ему слугами! Все въ этомъ назначеніи представлялось тѣмъ болѣе загадочнымъ, что государь, будучи еще наслѣдникомъ, не питалъ, какъ говорятъ, осо-

беннаго личнаго расположенія къ Толстому, а еще менѣе къ его классической системѣ, такъ какъ въ 1871 году, онъ, въ засѣданіи государственнаго Совѣта, подалъ голосъ, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ, противъ проекта Толстаго; но покойный императоръ тѣмъ не менѣе утвердилъ мнѣніе меньшинства, защищавшаго классическія гимназіи противъ реальныхъ. Но вотъ фактъ, вполнѣ несомнѣнный: въ первые полгода царствованія нынѣшняго государя, гр. Толстой ни разу не представлялся ему лично, и если мнѣ не измѣняетъ память, въ первый разъ такое представленіе совершилось не ранѣе первыхъ мѣсяцевъ этого года. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что, если гр. Толстой не искалъ такъ долго чести представиться новому государю, то это можно было объяснять только тѣмъ, что едва ли онъ разсчитывалъ быть принятымъ въ Гатчинѣ съ распростертыми объятіями, и благоразумно выжидалъ времени болѣе удобнаго для себя; наконецъ, все это имѣло и такой видъ, что мы молъ не ищемъ; пусть будутъ лучше насъ искать! — а въ ожиданіи того, гр. Толстой вспомнилъ о своемъ „серьезномъ и глубокомъ умѣ,“ и всѣмъ говорилъ, что онъ посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, а именно, вопросу о народномъ образованіи

при Екатеринѣ II — въ эпоху, которою особенно интерессовался нынѣшній государь, когда, еще будучи наслѣдникомъ, онъ покровительствовалъ Историческому обществу, столь много сдѣлавшему для изученія Екатерининской эпохи. — Какъ же, послѣ всего этого, могло состояться новое назначеніе гр. Толстаго?

Самъ гр. Толстой объясняетъ очень просто исторію своего воскрешенія изъ мертвыхъ. На слѣдующій же день, послѣ назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ и по возвращеніи изъ Петергофа, къ нему, между прочими, явился и старый его коллега, бывшій когда-то его покровителемъ и выдвинувшій его въ апрѣлѣ 1866 года, при содѣйствіи гр. С. Строганова, впередъ; тогда также какъ и теперь искали „твердыхъ“ характеровъ! Между прежними коллегами завязался разговоръ, который потомъ повторился, приблизительно, и съ другими. „Я думаю, что я — единственный человѣкъ въ Петербургѣ — сказалъ вошедшій гость, поздравляя, — который тебя не ругаетъ сегодня.“ — „Напрасно ты такъ думаешь; меня ругаютъ одни газетчики, — отвѣчалъ гр. Толстой, глубоко убѣжденный въ своей популярности. Затѣмъ, новопоставленный министръ сообщилъ гостю, какъ неожиданно и для него самого было его назна-

ченіе, какъ онъ ночью получилъ телеграмму, приглашавшую его въ Петергофъ, и какъ его встрѣтили тамъ, будто, словами: „Вы, графъ, единственный человѣкъ въ Россіи, котораго я могу назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ." На это графъ Толстой, будто бы, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, удостоятся ли его взгляды одобренія, и присоединилъ къ этому: „Я не понимаю вовсе *мужицкой Россіи;* въ моихъ глазахъ, силу Россіи, какъ и вездѣ, составляютъ образованные классы и гражданское развитіе; я откровенно признаюсь, что былъ всегда противникомъ реформъ прошлаго царствованія",—и такъ далѣе на ту же тэму и въ тѣхъ же двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя всегда дозволяютъ слушающему вполнѣ соглашаться съ прекрасными идеями, а говорящему — понимать про себя другіе, болѣе конкретные предметы, какъ напримѣръ: „образованный классъ и граждански развитый" — это значитъ дворянство, а не что нибудь другое, да и при томъ то дворянство, которое почище и побогаче, и т. д. Вотъ, чѣмъ, я думаю, можно объяснить себѣ то, что „взгляды" гр. Толстаго и его отвращеніе отъ „мужицкой Россіи" были одобрены, и такимъ образомъ онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ также просто, какъ

нѣкогда его сдѣлали министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ св. Синода; опять, значитъ, въ случаѣ отставки придется гр. Толстому хлопотать о сохраненіи права на ношеніе двухъ новыхъ мундировъ, сверхъ прежнихъ двухъ. Въ тѣ отдаленныя времена, не зная и азбуки греческой, Толстой долженъ былъ защищать классическую систему, и счастливо вышелъ изъ затрудненія, взявъ 30 уроковъ изъ греческой грамматики; теперь ему не понадобится и такой потери времени, чтобы обучиться кавалерійской верховой ѣздѣ, рысью, курцъ-галопомъ и маршъ-маршъ, со скачкою чрезъ барьеръ, для потребностей шефа жандармовъ; это будетъ еще полегче греческой грамматики.

Разсказъ самого Толстаго вѣренъ, впрочемъ въ томъ только смыслѣ, что я передаю его такъ, какъ мнѣ его передали; но разсказывалъ ли вѣрно самъ Толстой — за это я конечно ручаться не могу. Особенно сомнѣваюсь въ томъ, что будто бы назначеніе Толстаго было для него самого неожиданностью: сколько я знаю, оно готовилось весьма издалека тою самою партіею чернаго передѣла реформъ, которая поставила и ниспровергла гр. Игнатьева, какъ недостаточно вѣрнаго „раба“. Поводомъ къ сближенію императора

съ гр. Толстымъ послужилъ именно тотъ Чичиковскій трудъ послѣдняго о народномъ образованіи вообще и о томъ же предметѣ при Екатеринѣ II, въ частности. Безъ особеннаго труда, гр. Толстой доказалъ при этомъ свою „глубокую ученость", — и вотъ, его провели потихоньку въ Президенты Академіи наукъ, откуда уже легче было сдѣлать переходъ и въ шефы жандармовъ. Оставалось для того найти случай представить императору гр. Толстаго, въ качествѣ глубокаго, тонкаго и основательнаго политическаго ума. Случай такой скоро представился: для окончательнаго обсужденія нашихъ отношеній къ римской куріи, его пригласили нынѣшней весною въ качествѣ „свѣдущаго человѣка"; вѣдь это авторъ исторіи католичества въ Россіи, или правильнѣе, собиратель и переписчикъ болѣе или менѣе любопытныхъ документовъ изъ нашихъ архивовъ. Тутъ-то въ первый разъ, по вступленіи на престолъ государя, гр. Толстой имѣлъ случай развернуть свои обширные, до канцелярскихъ подробностей, знанія прежнихъ нашихъ договоровъ и переговоровъ съ папскимъ дворомъ. Затѣмъ, уже весьма легко могло могло случиться то, что у насъ возможно, какъ я говорилъ, наблюдать весьма часто: извѣстная клика, или партія, такъ искусно под-

бираетъ карты, что въ то время, когда публика дивится и даже ропщетъ на Верховную власть за то или другое назначеніе, сдѣланное какъ будто съ полнѣйшемъ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію, — въ то самое время Верховная власть и такой ея представитель, какъ нынѣшній государь, не только не думаетъ о подобномъ пренебреженіи къ общественному мнѣнію, но еще, пожалуй, убѣжденъ съ полнѣйшею искренностью, что онъ при такомъ назначеніи, каково назначеніе гр. Толстаго, подавилъ въ себѣ прежнее личное къ нему нерасположеніе и принесъ все это въ жертву общественному благу! Вотъ, какъ можетъ понимать государь имъ же самимъ сдѣланное нынче назначеніе, — и только одна партія чернаго передѣла реформъ имѣетъ у себя въ карманѣ ключъ къ той громкой терминологіи, которою она всегда покрываетъ свои личные планы.

Кромѣ того, для Верховной власти въ данный моментъ, по удаленіи Игнатьева, долженъ былъ представиться вопросъ о ближайшемъ будущемъ не иначе, какъ въ видѣ такой дилеммы: — Толстой, или конституція? Тутъ колебаться было нельзя: разумѣется, Толстой! такъ какъ конституція — это......

— А что́ такое „это“? Вотъ тутъ то и начинается траги-комедія, съ переодѣваніемъ, разыгрывающаяся и до нынѣ въ нашихъ умахъ. Я не говорю уже о томъ оригинальномъ представленіи конституціи, какъ она рисуется въ воображеніи самихъ представителей нашей Верховной власти: тутъ много наслѣдственнаго, отъ чего трудно освободиться и самому непредубѣжденному уму; родясь и возростая въ извѣстныхъ идеяхъ, искуственно питаемыхъ, человѣкъ не можетъ легко отдѣлаться отъ нихъ; но и ходячія идеи въ обществѣ о томъ же предметѣ нисколько не лучше. Укажу вамъ для образца, какъ выразился еще недавно о конституціи, не г. Катковъ, не г. Аксаковъ, а одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей нашего времени: „Русскій Богъ, говоритъ онъ, избавилъ насъ отъ „конституціонной *лжи* ограниченія царской „власти народнымъ представительствомъ; за то „всѣ послѣдствія конституціоннаго миража, „будто администрація находится въ рукахъ „царской власти, мы испытали вполнѣ, до единаго, во всей ихъ печальной правдѣ. . . Администрація во имя царской власти, заслонила и оттѣснила эту самую власть на второй „планъ и взяла самодержавіе въ свои руки“,

и т. д.[1]). О, если бы почтенный авторъ обратилъ вниманіе хотя бы на то, что даже и такое въ сущности невинное его разсужденіе могло быть напечатано только подъ покровительствомъ упомянутой имъ „конституціонной лжи“, заграницей! Я съ своей стороны также очень благодаренъ русскому Богу за то, что онъ избавилъ насъ отъ конституціонной лжи; но сѣтую на него за то, что онъ избавилъ насъ и отъ конституціонной правды; вотъ на нее то и слѣдовало бы обратить вниманіе, а не на одну ложь; да кстати слѣдовало бы обратить вниманіе еще и на слѣдующее обстоятельство.

Извѣстный Мольеровскій буржуа, умирая, въ первый разъ узналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой. Я боюсь, чтобы наше самодержавіе также не слишкомъ поздно поняло, что оно всю свою жизнь управляло собственно на основаніи конституціи, т. е. было ограничено, и вопросъ шелъ всегда только о томъ, *чѣмъ* и *какъ* оно было ограничено. До сихъ

---

[1]) Если вы не читали этой брошюры, то я, хотя и расхожусь во многомъ съ ея почтеннымъ авторомъ, тѣмъ не менѣе рекомендую ее вашему вниманію: „Политическіе призраки“, Берл. 1878. Она написана съ большимъ знаніемъ дѣла и представляетъ много замѣчательныхъ соображеній; но ея выводы — слабѣе ея же посылокъ.

поръ, у насъ конституція была всегда личная: такъ, мы имѣли въ этомъ столѣтіи конституцію Аракчеевскую, Бенкендорфскую, Шуваловскую, Валуевскую, даже Тимашевскую, наконецъ, Лорисъ-Меликовскую и Игнатьевскую, которая вслѣдствіе майскихъ дней смѣнилась Толстовскою; не говорю о прочихъ, болѣе мелкихъ конституціяхъ. Самодержавіе при этомъ оставалось неограниченнымъ только въ томъ смыслѣ, что оно не могло быть больше ограничено ничѣмъ, кромѣ извѣстной клики, а эта уступала мѣсто другой, болѣе сильной на поприщѣ интригъ и подкоповъ; но безъ той или другой клики управлять страною было нельзя, такъ какъ Верховная власть никогда не можетъ управлять непосредственно. Такимъ образомъ, у насъ дѣло идетъ теперь вовсе не о введеніи конституціи, — конституцію мы всегда имѣли, имѣемъ и будемъ имѣть; конституція, это — остовъ, худо ли, хорошо ли, но поддерживающій весь организмъ, со всѣми его снарядами; какъ нѣтъ человѣка безъ костей, такъ нѣтъ государственнаго тѣла безъ извѣстной конституціи. Въ силу конституціи, существующей и дѣйствующей у насъ съ большимъ или меньшимъ напряженіемъ, Верховная власть ограничена теперь, какъ и прежде, административнымъ произволомъ, переходящимъ изъ рукъ

въ руки, въ ущербъ какъ самой Верховной власти, такъ и интерессамъ народа и общества. Только ограниченная закономъ, Верховная власть могла бы быть вполнѣ неограниченною со стороны административнаго произвола и всяческихъ партій. Но, — скажутъ мнѣ, — тогда нельзя будетъ назначить министромъ кого угодно; надобно будетъ принять въ соображеніе общественное мнѣніе и руководиться его указаніями, а это будетъ уже ограниченіе; — да — отвѣчаю, — это будетъ ограниченіе, какое впрочемъ испытываетъ каждый изъ насъ, когда видитъ себя въ необходимости выходить въ дверь, а не въ окошко, чтó, можетъ быть, было бы прямѣе и лучше выражало бы неограниченность моей воли; но кто же изъ людей благоразумныхъ считаетъ это ограниченіемъ своей воли?! Я думаю, каждый весьма доволенъ, что при рѣшеніи вопроса о томъ, выйти ли въ дверь, или въ окошко, онъ чувствуетъ себя способнымъ къ ограниченію своей воли. Но, и кромѣ этого соображенія, подобное назначеніе, какъ послѣднее назначеніе графа Толстаго, если его и не приравнивать къ свободѣ выходить изъ комнаты чрезъ окошко, — чего, какъ я объяснилъ, тутъ и не могло быть съ точки зрѣнія государя, — то и въ такомъ случаѣ развѣ можно разсматривать такое на-

значеніе, какъ актъ неограниченной воли самодержца? Это чистая фикція! Хотя, если вѣрить словамъ Толстаго, государь и сказалъ ему, что *онъ* считаетъ его „единственнымъ" человѣкомъ въ Россіи пригоднымъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ; но онъ былъ *другими* приведенъ къ этой увѣренности, а потому, собственно говоря, не онъ, а эти „другіе" назначили Толстаго, и потому можно сказать, что эти „другіе" ограничили его власть своимъ „единственнымъ" человѣкомъ; только для достиженія достойныхъ цѣлей партіи чернаго передѣла реформъ, пожалуй, Толстой могъ считаться „единственнымъ" человѣкомъ. Мало этого, — этотъ „единственный" человѣкъ весьма смѣло заключаетъ договоръ съ императоромъ; по крайней мѣрѣ по словамъ Толстаго, императоръ принялъ всѣ его условія, а именно: 1) „à bas мужицкая Россія"! и 2) „à bas реформы"! Что же это все, какъ не ограниченіе Верховной власти при помощи обязательства для нея принять такое-то лицо министромъ, и при томъ на такихъ-то условіяхъ? Вы скажете: однако, если императоръ не захотѣлъ бы Толстаго, то онъ могъ бы не утвердить! — Да, конечно, — но чтобы этого не случилось, онъ былъ заблаговременно подготовленъ и запуганъ такъ, что въ концѣ кон-

цовъ чужая воля сдѣлалась его собственною волею.

Лучшимъ доказательствомъ того, въ какой степени Верховная власть въ Россіи ограничена, — служитъ именно то обстоятельство, что самодержецъ, при всемъ своимъ внѣшнемъ могуществѣ, не можетъ рискнуть ограничить себя закономъ, такъ какъ это поставило бы его въ неограниченное положеніе по отношенію къ придворно-бюрократическо-военнымъ партіямъ, вѣчно борющимся около престола за обладаніе самодержавіемъ. Припомните, напримѣръ, почему такой несомнѣнный, по крайней мѣрѣ, для самого себя, самодержецъ, какъ Николай Павловичъ, такъ и умеръ, не осмѣлившись освободить крестьянъ, хотя постоянно думалъ объ этомъ; онъ все таки понималъ, что и для него есть предѣлы, за которые онъ переступить не можетъ — онъ ограниченъ! Точно также и восточные деспоты могутъ стереть съ лица земли кого угодно изъ своихъ вельможъ, но подъ условіемъ строжайшаго соблюденія личныхъ выгодъ этого сословія, или, въ противномъ случаѣ — горе владыкѣ, нарушающему ихъ конституцію. Мнѣ разсказывали очень интересный анекдотъ изъ послѣднихъ лѣтъ царствованія покойнаго государя; если это и выдумано,

то выдумано хорошо. Послѣ обѣда, императоръ сѣлъ по обычаю за карточный столъ; въ числѣ партнёровъ былъ и старикъ князь Суворовъ, которому, какъ извѣстно, прощалась при Дворѣ нѣкоторая развязность его языка. Между картъ, князь съ свойственнымъ ему либерализмомъ, заговорилъ о конституціонныхъ порядкахъ и ихъ удобствахъ; партнёры не оспаривали старика, а одинъ изъ нихъ даже слегка поддерживалъ; государь соблюдалъ строго условія виста — и молчалъ. Когда кончился робберъ, государь, неожиданно для своихъ гостей, самъ возвратился къ Суворовской тэмѣ и строго наказалъ придворный либерализмъ: „Я ни въ какомъ случаѣ не согла„сился бы, заключилъ государь, на конститу„цію въ Россіи; мнѣ лично она не предста„вила бы никакой опасности, — но мнѣ жаль „васъ, господа; что̀ съ вами со всѣми тогда „будетъ“!!... Болѣе зло отвѣтить было нельзя; это, что̀ называется, не въ бровь, а прямо въ глазъ, — но въ тоже время изумительно вѣрно! Одно, правда, можно было отвѣтить покойному императору: „Вашему Величеству только такъ кажется-молъ, что вы будто изъ сожалѣнія къ намъ не даете конституціи; мы васъ знаемъ — вы бы насъ не пожалѣли, только на этотъ разъ вы не смѣете насъ не

пожалѣть — вы, вѣдь, въ нашихъ рукахъ по этому вопросу, а не мы въ вашихъ; чтобъ дать ту проклятую конституцію, вамъ нужно сначала отдѣлаться отъ нашей священной, — а это не такъ легко"!

Но послушайте партію чернаго передѣла, что она толкуетъ ежедневно о „конституціи" въ своемъ не менѣе черномъ органѣ. Вотъ, хоть бы даже сегодня, когда „Московскія Вѣдомости" объявили, то „послѣ праздниковъ нумера выходятъ безъ передовой статьи", т. е. безъ разсужденій о конституціяхъ и другихъ зловредныхъ предметахъ, — тѣмъ не менѣе, однако, газета нашла возможнымъ поучать своего благосклоннаго читателя въ заднихъ статьяхъ о томъ же. Берлинскій корреспондентъ г. Каткова въ этомъ самомъ № пишетъ: „Русская пресса съ невѣроятною без„застѣнчивостью и удивительною безпрепятст„венностью (и гр. Игнатьевъ не лгалъ такъ, „какъ лжетъ въ этомъ мѣстѣ г. Катковъ: „хороша „безпрепятственность" для печати, „когда даже я, не видавшій въ глаза печат„наго станка, не считаю удобнымъ переписы„ваться съ вами по почтѣ!) — привыкла взва„ливать на недостатокъ *правоваго порядка* не „только всякіе обнаруживающіеся въ томъ „или иномъ углу Россіи признаки бѣдности

„народа, или аресты крестьянскаго имущества „(это изъ области „мужицкой“ Россіи) за казенныя или частныя недоимки, но уже стала „относить къ той же причинѣ всякія бѣдствія „міра физическаго! Дайте конституцію, и не „только не будетъ рѣчи о какихъ либо недоимкахъ, но какъ рукой сниметъ всѣ эти „кузки, гессенскія мухи, колорадскіе жучки, „филлоксеру и т. п.“ . . .

Позволю себѣ на этомъ перервать на минуту г. Каткова: русская печать такъ настойчиво говоритъ о всѣхъ этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, потому что ни циркуляры гр. Игнатьева, ни циркуляры гр. Толстаго пока еще не изъяли, видно, изъ обсужденія въ газетахъ дѣятельности жучковъ, кузекъ и т. д. Но печать охотно, думаю, не ограничивалась бы ими, еслибъ ей было дозволено поговорить о кузькахъ, гессенскихъ мухахъ, колорадскихъ жучкахъ, состоящихъ въ чинѣ статскаго и т. д. совѣтниковъ, украшенныхъ по ихъ сытому брюшку разноцвѣтными лентами, и прилежащихъ къ казенному сундуку, или хоть о такихъ кузькахъ, которые издаютъ газету на льготныхъ основаніяхъ. У насъ и послѣднее не безопасно, такъ какъ только-что на-дняхъ я лишенъ Толстымъ возможности покупать себѣ на Тверской отдѣльные № „Го-

лоса“: министръ, говорятъ, остановилъ розничную продажу за смѣлость этой газеты, съ которою она напала на нашего московскаго кузьку, иже на Страстномъ Бульварѣ, и покусилась такимъ образомъ не на государственную безопасность, а на неприкосновенность одного изъ §§ Толстовской конституціи, въ силу котораго императоръ отдалъ ему на жертву всѣхъ друзей реформъ и враговъ чернаго ихъ передѣла.

Но что же дальше говоритъ г. Катковъ? Онъ приглашаетъ насъ посмотрѣть на Пруссію, гдѣ только и жалуются — на что бы вы думали? — на „конституцію“! Могущественнѣйшій императоръ, а главное — его министры, самъ желѣзный канцлеръ, г. Путкамеръ, г. Шольцъ, жалуются парламенту въ лицо, что „они связали себя и страну парламентаризмомъ до того, что, не взирая на все желанія правительства, не могутъ облегчить страданій народа“! Не соглашаются-молъ пожертвовать сигарами (т. е. платить дороже за нихъ) для облегченія, при помощи пошлины на сигары, этихъ народныхъ страданій; какіе же это народные представители?! — восклицаетъ патетически газета г. Каткова. Если всѣ такія разсужденія — не верхъ наглости, то это писано „для дѣтей“! Да вѣдь если пра-

вительство только подозрѣваетъ, что народные представители, т. е. горсть людей, идутъ въ разрѣзъ съ выгодами своихъ избирателей, то оно, на основаніи той же конституціи, распуститъ такой парламентъ, а народу представитъ случай немедленно выбрать лучшихъ представителей; если же германское правительство не прибѣгаетъ къ такой мѣрѣ, то именно потому, что оно увѣрено въ томъ, что народъ и вторично пришлетъ тѣхъ же самыхъ противниковъ „правительственнаго соціализма." Въ Германіи, какъ вы знаете лучше меня, вся бѣда состоитъ въ томъ, что тамъ нѣтъ полной конституціи, и министры не отвѣтственны предъ страною, также какъ и у насъ. Между тѣмъ, софизмы г. Каткова, устроенные при томъ въ популярной формѣ сравненія, не пропадутъ даромъ даже для многихъ честныхъ и порядочныхъ людей: вотъ тебѣ, скажутъ они, и конституція! народъ хоть умирай съ голоду изъ за нея! Пусть ужъ лучше ѣдятъ насъ наши жучки въ лентахъ и вицмундирахъ: а то, пожалуй, съ конституціей еще хуже будетъ!...

Вотъ, какъ легко можно морочить добрыхъ людей! Мнѣ здѣсь, въ Москвѣ, случается не разъ спорить объ этой конституціи; хоть вы на головѣ тешите колъ, а они, какъ

купчиха Островскаго (не министра государственныхъ имуществъ, — тотъ самъ могъ бы попасть, за невозможностью быть героиней, въ герои къ своему брату-поэту) заслышавъ слово: „жупелъ“, — трепещутъ и крестятся. Подъ часъ, мною овладѣваетъ отчаяніе, и я думаю—не бросить ли всѣ эти толки на тэму: 2×2=4, памятуя извѣстный стихъ поэта: „дураковъ не убавишь, а на умныхъ тоску наведешь“!

Между тѣмъ, положеніе наше изъ самыхъ критическихъ: Верховная власть держитъ народъ и его общество въ осадномъ положеніи— это еще бываетъ на свѣтѣ, какъ явленіе временное и переходное; но вотъ чего не бываетъ: въ тоже самое время Верховная власть сама находится въ осадномъ положеніи. Гр. Толстой, этотъ „единственный человѣкъ“ торжествующей партіи чернаго передѣла реформъ, сказалъ, правда, свое: „Quos ego“! — какъ „мужицкой Россіи“, такъ и „реформамъ“ покойнаго императора; но и эта партія также не знаетъ, какъ ей воспользоваться своимъ торжествомъ; она чувствуетъ, что ей возможна одна партизанская война, въ видѣ мелкихъ стѣсненій, но генеральнаго сраженія дать нельзя, потому что непріятель находится вездѣ и нигдѣ. Чѣмъ же можетъ кон-

читься такое по истинѣ чудовищное положеніе вещей? Благоразумный человѣкъ можетъ отвѣчать только на одинъ вопросъ: какого конца нужно желать нашей современной анархіи? Нужно конечно прежде всего желать, чтобы такая анархія кончилась; а анархія невозможна только тамъ, гдѣ народъ и Верховная власть, эти два священнѣйшіе предмета, взятые вмѣстѣ, вполнѣ самодержавны, и кромѣ взаимнаго ограниченія, не знаютъ никакого другаго. У насъ же, приходятъ въ трепетъ при одной мысли объ ограниченіи Верховной власти искренно любящимъ ее народомъ, и считаютъ себя самодержцами, не стыдясь своего жестокаго ограниченія со стороны тоже „любящей" (не спрашивайте: кого, или что?) придворной клики и ея многоглаваго цербера — бюрократіи. Для Верховной власти нѣтъ истиннаго самодержавія тамъ, гдѣ не самодержавенъ народъ! — вотъ, это и есть истинная конституція, а отъ той конституціи, которая продиктована Верховной власти 30-го мая партіею чернаго передѣла реформъ, и которая держитъ насъ въ настоящей анархіи, — да избавитъ Богъ и насъ, и нашихъ враговъ!

При какихъ условіяхъ такое желаніе можетъ осуществиться?—къ сожалѣнію, у насъ это — дѣло случая: qui vivra verra!...
